

М

И

Ш

Е

Л

Ь

18+

Иннокентий Маковеев

Маковеев Иннокентий

Мишель

«Автор»

2020

Маковеев Иннокентий

Мишель / Маковеев Иннокентий — «Автор», 2020

Мишель — прекрасная, роскошная, несчастная девушка. Многих настораживает её потрясающая внешность. Сестра и любимый друг Мишель погибли. Девушка боится, что с ней что-то не так. Она найдёт в себе силы пережить горе и снова полюбить. Кристофер — обаятельный мужчина, который поссорился со своей девушкой. Он не искал новую подругу, но, когда встретил Мишель, потерял голову от любви. Мишель и Кристофер испытают восхитительные чувства вместе, проведут бурные ночи и лучшие дни, откроют друг другу свои тайны. Как поступит Кристофер, если подруга вернётся к нему? Что будет с Мишель, когда все узнают об ужасном секрете её красоты?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маковеев Иннокентий

Мишель

Глава 1

Ясное осеннее утро. Под каблуками шуршит листва, в наушниках играет музыка.

– Мика, глупышка! – нарушает идиллию знакомый голос.

Мне послышалось другое слово, каким часто обзывают таких, как я, девушек. Я оборачиваюсь:

– Белла, иди сюда! – Я заключаю подругу в объятия. – Откуда ты, чудо?

– Зашла в одно местечко, – уклончиво отвечает Белла и подмигивает.

– Колись, где была! – Я толкаю локтем подругу.

– Где была, там тебя могут больно уколоть. – Она щипает меня за бок. Наверное, посещала клинику. Как же я ненавижу ходить к врачам!

В колледж я езжу на метро. Хочется иметь личный автомобиль. На нём я бы передвигалась по городу, избегая неприятностей. Отец думал купить мне автомобиль, но в его компании дела идут плохо – союзная экономика переживает кризис.

В вагоне метро группа сверстниц смотрит на меня с неприязнью. Хочется накинуть на голову капюшон куртки, прикрыть свою необычайную красоту, которая считается подозрительной. Да, я прекрасна. Спасибо маме и папе. Но я никому не похваляюсь, что у меня отличная генетика. Родители просили не говорить ничего такого. Меньше чем за год моя привлекательность превратилась в моё проклятье. Белла замечает недоброжелательные взгляды, заслоняет меня собой.

– Спасибо, – говорю я одними губами.

Подруга у меня красивая, у неё правильные черты лица, ухоженные чёрные волосы, стройная фигура. Однако, Белла не из таких, как я. Её такой не считают. Раньше я не могла отличить таких, как я, девушек, от остальных, а теперь наловчилась. Преимущественно, мы выше, крупнее, у нас крутые бёдра, тонкая талия, пышная грудь, идеально симметричное лицо с широкими губами. У многих таких, как я, глаза чудные или чудные. Они чуть лучатся (генетический дефект) и якобы завораживают мужчин. О таких, как я, ходят дичайшие слухи. Я ничему не верила, но стала сомневаться, когда погибла старшая сестра Дианн.

Выйдя из метро, мы с Беллой направляемся в двухэтажное здание Соважского колледжа искусств. Я и подруга учимся на первом курсе по специальности «Актёрское мастерство». В гардеробе колледжа сдаём верхнюю одежду. Рядом с аудиторией нам встречаются два широкоплечих парня. Я иду напрямиком на них. Парни прижимаются к стенке, чтобы уступить дорогу. Белла вопросительно смотрит на меня.

– Что, Белла?!

Подруга закатывает глаза:

– Что с тобой творится?!

– Ничего. – Я делаю невинное лицо.

Аудитория холодная. Я зябну в бежевом платье. Белла оделась теплее в фиолетовый свитер и чёрную юбку. Жан один из самых умных ребят в группе кивает мне с первого ряда. Вероятно, я ему нравлюсь. Я чувствую, когда мне симпатизируют. Мы с Беллой поднимаемся на последний ряд. Со звонком в аудиторию входит преподаватель истории Леон Мартинес. Ему 30 лет. Черноволосый, с высоким лбом и широко поставленными глазами. Одет в тёмно-синий костюм. Леон прочитает для нас специальный курс лекций о войне. Скоро 125-я годовщина

победы над Генезией. Прежде чем приступить к занятию, преподаватель окидывает взглядом таких, как я, девушек. Хотя, может быть, я себе накручиваю.

«Как звали предводителя самой безжалостной армии мира?» – задаёт вопрос Леон и сам отвечает. – «У него было несколько вымышленных имён. История запомнила его как Генетика. Однажды корпорации и фонды решили завладеть ключевыми богатствами планеты. На Ближнем Востоке они привели к власти Генетика. Он основал страну Генезию, а столицу назвал Настоящим Эдемом. Корпорации и фонды поставили Генетику задачу сменить режимы стран региона. Для достижения цели Генетик применял самые жестокие средства: террор, казни, массовые убийства. Влияние Генезии росло: Ближний Восток, Передняя Азия, Северная Африка. На чёрном рынке Генетик сбывал нефть и алмазы, торговал людьми, на вырученные деньги покупал оружие, технику, лаборатории. Разведка передовых стран сообщала, что Генетик проводит эксперименты над людьми. Одна группа стран выступила с предложением провести против Генезии военную операцию, другая группа из-за лобби корпораций и фондов настояла лишь на введении санкций. Зачатки Генезии появлялись в Южной Америке, Южной и Восточной частях Азии. Получив передовые военные технологии, Генетик стал способен бросить вызов всему остальному человечеству. Был обычный летний день, когда войска Генезии без объявления войны, атаковали границы десятков стран по всему миру. Солдаты Генетика не ведали пощады. Они являлись последователями ужасной идеологии генез-социализма, главной идеей которой было заменить несовершенное общество, созданное несовершенным Богом, на совершенное общество от творца Генетика. Армия Генезии уничтожала мирное население на оккупированных территориях, массово обращая людей в...»

На эффон приходит сообщение. Я отвлекаюсь. Страшно представить, что нас всех, сидящих в аудитории, могло вовсе не быть, мы бы не родились, если бы наши предки не выиграли войну.

Кто написал мне? Разблокировав телефон, открываю приложение:

Доброе утро, Мишель! Это Николас Моро. Как у тебя жизнь?

Николас вожатый из летнего лагеря. В этом году я не поехала на смену. В июне умерла Дианн, я была полностью раздавлена случившимся. Пишу ответ:

Привет, Николас. Всё хорошо.

Я вчера ездил в лагерь. В домике юношей я нашёл поделку, её Джеймс сделал для тебя. Может встретимся? Я передам тебе её.

Ого! Моё сердце сжимается от грусти. Джеймс мой бывший. Если так можно сказать о парне, с которым я почти поцеловалась, иногда держалась за руку и всегда очень ласково общалась. Он нравился мне. Думаю, мы бы стали отличной парой. Но Джеймс не вернулся из летнего лагеря... Август и начало сентября я ходила с родителями к врачам и психологам. Меня посмотрели, поговорили со мной, отчасти я оправилась от ударов судьбы. Что за поделку Джеймс сделал для меня перед смертью?! Я не успокоюсь до тех пор, пока не получу её! Дрожаящими пальцами набираю послание Николасу:

Да, хорошо. Я ещё не знаю, когда смогу. Напишу тебе.

Прочитав тревогу на моём лице, Белла спрашивает:

– Всё в порядке?

– Нет.

– Кто написал?

Я вздыхаю.

– Вожатый... В лагере Джеймс успел сделать для меня какую-то поделку.

– Ничего себе!

Белла сочувственно кладёт руку на моё плечо.

Оставшуюся часть лекции я ничего не делаю. В голове крутятся разные воспоминания.

Когда звенит звонок, аудитория приходит в движение. У выхода меня караулит Жан. Он рыжеволосый и полноватый. Перед тем как заговорить, Жан поправляет очки.

– Мика, привет.

– Привет.

– Помочь тебе с историей?

Я чувствую, что краснею.

– Да, было бы славно. – Я расплываюсь в улыбке.

– Ну, тогда я напишу тебе или позвоню, и мы договоримся о встрече... – Жан смущается.

Видимо, не был готов, что я запросто соглашусь.

– Он тебе разве симпатичен? – спрашивает Белла наедине.

– Мы просто позанимаемся.

– Чем вы позанимаетесь? – Белла выгибает правую бровь.

Многие парни остерегаются меня из-за сплетен. Хотя бы Жану я интересна. Таких, как я, девушек в группе ещё три. Они стесняются своей внешности, не красятся, ходят на занятия в кофтах с капюшоном. Я одеваюсь в модные платья, пользуюсь косметикой, веду себя гордо. И девушкам, которых можно назвать обычными, это очень не нравится. Их восемь в группе.

В аудитории поменьше я двигаюсь между рядами парт. За моей спиной громко фыркает Луиза. Похоже, ей не понравился аромат жасмина моих духов. Она шёпотом произносит оскорбительное слово. Её подруги повторяют за ней:

– Пустовка, пустовка, пустовка...

Я хочу развернуться и потаскать за волосы парочку обычных девушек, но Белла толкает меня вперёд, чтобы избежать конфликта.

Все удивляются, как это мы с Беллой дружим. Она обычная, я нет. Дело вот в чём: статистика говорит, что на десять девочек рождается шестеро мальчиков. Это явление называют эхом войны. Учёные полагают, что природа таким образом отреагировала на войны: рождается больше девочек, на планете случается меньше войн. При такой демографической ситуации часть девушек останется без пары. Обычные боятся, что это будут они, потому что такие, как я, привлекательнее. Отсюда берётся вся неприязнь, и поэтому о таких, как я, распускают слухи. Но Белле не важно, кто там что болтает. Подруга знает, как мне непросто приходится.

Сев на место, я жду, что Луиза снова попытается меня задеть. Сердце колотится в груди. Приятное чувство от беседы с Жаном растворилось, как растворяется сахар в кипятке.

Вторая пара по дисциплине «Сценическая речь». Элиан Вьен маленькая смуглая преподавательница приходит с опозданием.

– Сегодня мы поговорим об активизации и укреплении мышц дыхания, опоре дыхания, – говорит она. – Существует три типа дыхания: верхнегрудное, нижнегрудное или диафрагмальное и брюшное. Все эти три типа необходимы при нормальном дыхании. Но самым физиологичным является брюшное дыхание...

Пока преподаватель рассуждает о дыхании, я пыталась нормализовать собственное дыхание. Нужно успокоиться. Глубокий вдох, выдох. Вдох, выдох.

У меня большой дыхательный объём лёгких, потому что я с детства люблю плавать. Вспоминается как прошлым летом, когда моя жизнь была радостна и безоблачна, в лагере мы с Джеймсом ныряли в озеро. Один из нас оставался на пирсе и засекал время. Потренировавшись, я научилась обходиться без воздуха намного дольше Джеймса. Однажды я провела под

водой целых четыре с половиной минуты. Как-то раз я следила за погружением Джеймса, и меня позвала Хлоя (приятельница, она живёт в другом городе, всегда приезжала в лагерь в мою смену). Она отвлекла меня всего на несколько секунд. Посмотрев на дно, я не увидела Джеймса. Сердце ёкнуло в груди. Я, не думая, кинулась в воду. На глубине я увидела, как красиво преломляются лучи света, как они угасают. Неожиданно кто-то обнял меня сзади. Это был Джеймс. Он таился под пирсом. Джеймс коснулся губами моих губ. Я начала обвивать его ногами, прижимать к себе. В этот момент у Джеймса закончился воздух. Он стал быстро всплывать. Ему не удалось полностью воплотить свою задумку. Я очарованная и замороженная ещё полминуты пробыла под водой. Мать Джеймса Элисон Руже работает журналисткой на республиканском канале. Когда поползли слухи о таких, как я, она попыталась запретить Джеймсу общаться со мной. Ей это не удалось. Мы с Джеймсом продолжали видеться, но он стал вести себя скромнее, сдержаннее. Наверное, Элисон постоянно страшила его байками о таких, как я. Весной мне исполнилось 18 лет. «Ты расцвела, как прекрасная роза», – написал Джеймс в поздравлении с днём рождения. Несмотря на предостережения Элисон, он проявлял ко мне всё больший интерес, и я чувствовала, что наша с ним дружба вот-вот перерастёт в нечто потрясающее. Но Джеймс поехал один на смену в лагерь, сильно там скучал по мне и решил сбежать, но не сумел переплыть озеро. Тело до сих пор не нашли. Странные обстоятельства. Я скорблю и помню.

– Пара закончилась! – тормошит Белла. – Идём перекусим. Что с тобой сегодня происходит?

– Воспоминания нахлынули, – бормочу я, постепенно возвращаясь к реальности.

Мы с Беллой задерживаемся у зеркал. Я всматриваюсь в своё отражение: безукоризненно очерченное лицо заспанное, широкие брови нахмурены, полным губам отлично подошла новая красная помада, длинные чёрные волосы заплетены в тугую косу, перевязывать не нужно.

В автомате с питанием покупаю кофе и шоколадное суфле, Белла берёт себе кусочек торта и пряный чай. Мы сладкоежки.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спрашивает Белла и внимательно смотрит мне в глаза.

– Иногда, как сейчас, мне кажется, что всё самое лучшее осталось позади, – вздыхаю я, повесив голову.

– Ох, Мика, ты ещё очень и очень молода. Сейчас поднимем тебе настроение. – Белла достаёт из сумочки листовку, на которой крупными буквами напечатаны два слова: «Бесплатное тату».

– Где взяла?!

– Недалеко от дома открылся тату-салон, и в социальной сети проводили розыгрыш. В кое-то веки я что-то выиграла. Утром забрала купон.

– Хочешь отдать мне?

– Держи! – Белла суёт мне листовку.

– Спасибо.

– Пошли завтра утром?

– Вместо истории?

– Мы итак всё знаем о войне. К тому же Жан тебя будет натягивать.

– Что он будет делать?

Белла потешается надо мной. Задорное настроение подруги передаётся и мне. Я позволяю себе улыбнуться.

– А что случилось вчера в клубе, когда ты заговорила с тем парнем? – интересуется Белла.

Накануне я попала в неловкую ситуацию. Я решила поболтать с незнакомым парнем, но неожиданно засмушалась. Мне пришлось уйти, когда высоченная особа из таких, как я,

обняла парня. Я почувствовала, что потерпела фиаско, хотя ничего серьёзного вроде бы и не замышляла.

– Я хотела с ним поговорить, но передумала. А потом нарисовалась та шпала...

– Тебе не повезло, что он оказался занят.

На последней паре преподавательница тучная женщина разглагольствует об истории косметики. Я в это время размышляю, какую татуировку себе сделать и в каком месте.

– Ты домой? – осведомляюсь я у Беллы одновременно со звонком.

– Нет, забегу к маме в магазин.

Я по-детски надуваю губки – поеду на метро одна.

– Давай запишемся на спектакли, посвящённые войне, – предлагает Белла.

В информационном терминале мы ищем спектакли, в которых не сформирован театральный коллектив. Я записываюсь на роль партизанки в постановке «Западная Руна». Белла выбирает себе роль медсестры в другом спектакле. Я посмотрю игру подруги, а она мою.

На улице я обнимаю Беллу:

– Пока, детка!

Оставшись без покровительства, на всякий случай накидываю на голову капюшон. Надеюсь, никто ко мне не привяжется.

Глава 2

Я живу с родителями и двумя сёстрами в большой четырёхкомнатной квартире в высотке. Не хочется переезжать в более скромное жилище, а всё к этому идёт. Открываю дверь. Тишина. Родители на работе. Сёстры: средняя Лианн на продлёнке в школе, младшая Голди в яслях. Мама вечером заберёт сестёр.

За полдня я успела проголодаться. На кухне серый упитанный кот торопится к холодильнику, клячтить еду. Я стараюсь не замечать кота, а вот сёстры явно пытаются сжить его со свету: треплют, дёргают, бьют, бросают. Это папа предложил купить кота. Он думал, что так мы будем его меньше доставать.

Беру в холодильнике салат из кусочков помидор, мясной нарезки, яиц, сыра; прихватываю минеральную воду. В микроволновку ставлю разогреться курицу в сливочном соусе. Плотно пообедав, плетусь в свою комнату. Раньше в комнате жила Дианн. Сестра переехала к своему будущему мужу Брюсу, но комнату хотела оставить за собой на всякий случай. Освободившаяся площадь пустовала недолго. Я заняла комнату. Дианн спорить не стала. Пройдя по белоснежному мягкому ковру, плюхаюсь на постель. Удобно, комфортно, но чего-то не хватает. Вчера я поздно вернулась из клуба, недосып быстро даёт о себе знать. Я стягиваю с себя платье и колготки, заворачиваюсь в половинку одеяла. Полежу немножко. Сквозь дрему слышу мелодичный звук эффона (пришло сообщение). Мне уж не приподняться.

– Мика, соня! – будит малышка Голди.

Смотрю на часы. Наступил вечер. Я проспала кучу времени.

Голди вскарабкивается на постель. Я приподнимаюсь на локте и заглядываю в голубые глазёнки сестры.

– Что интересного у тебя сегодня произошло? – спрашиваю я.

Малышка будто ждала моего вопроса, вздрогнула, прижалась ко мне личиком.

– Красная машинка... – Голди всхлипывает. – Машинка ко мне не ехала...

– А почему не ехала?

Сестрёнка сбивчиво объясняет:

– Мы сидели кружком и отпускали машинку в центр кружка. Машинка поднималась на подъёмнике, меняла направление и... и ко мне не ехала, не поворачивалась. Один раз поехала... Но девочка рядом посчитала, что машинка едет к ней и схватила раньше меня...

– Ну, успокойся... Вырастешь у тебя будет своя красная машинка, и ты сама поедешь, с кем захочешь и куда захочешь. – Я ласково глажу Голди по спинке. Малышка поднимает голову и глядит на меня с вниманием. Её пухлые розоватые щёчки все заплаканные.

В комнату входит мама. Она веснушчатая, с густыми тёмными волосами. Одета в элегантное платье-рубашку кремового цвета. Последние месяцы мама очень собрана. Постигшая нас беда, принесла большую печаль, маме досталась самая лихая часть. Устала она? Конечно, устала! Что у неё там на душе?! Не могу себе представить, мне не 39 лет, и я не вынашивала ребёнка месяцами, не растила его годами и не теряла в один ненастный день.

– Как дела в колледже? – интересуется мама. Она садится на кровать рядом со мной и Голди. Малышка переползает от меня к ней.

Я всегда говорю родителям, что у меня всё нормально, даже если плохо. Со своими проблемами я как-нибудь сама справлюсь, только бы лишний раз не огорчать маму и папу.

– Готовимся к годовщине победы в войне, – бодро отвечаю я. – И я буду участвовать в спектакле.

– Когда премьеры?

– Ой, я не посмотрела, но вы, конечно же, приглашены.

– Это будет твой дебют? Мы с папой обязательно придём.

– И я! – подхватывает малышка Голди. Сестра обнимает маму за талию.

Я признательно улыбаюсь им.

– Папа придёт поздно, – говорит мне мама. – Соберёмся вместе, есть важный разговор. И-и-и, Мика, сколько раз тебе говорила – не спи днём.

Взяв Голди на руки, мама уносит сестру.

У меня плохое предчувствие. На семейных советах родители предупреждают, с какими трудностями нам предстоит столкнуться в ближайшем будущем, ещё мы вспоминаем Дианн.

Ополоснувшись в душе, тщательно расчёсываю волосы. Затем смотрю эффон. Белла написала:

Уснула что ли?! Ты выбрала татуировку?

Да, поспала... С тату пока не определилась. На видном месте делать боязно.

Жан ещё днём прислал мне сообщение:

Мика, ты свободна завтра после учёбы?

Давай у тебя дома позанимаемся, что скажешь?

В библиотеке сидеть не охота, к себе не пушу – здесь у меня девичий рай. Жан быстро отвечает:

Договорились.

Белла присылает мне подборку татуировок. Листаю все подряд: бабочки, феи и ангелы, сердечки, звёзды, музыкальные ноты, пламя, птицы и животные, цитаты, стихи, фразы. Ознакомившись с подборкой, посылаю короткий ответ Белле:

Я хочу всё!

После ужина сижу в комнате сестёр. Голди смотрит мультики. Я глажу волосы малышки, они у неё классные, пушистые, золотятся на свету. Мы мешаем Лианн делать уроки. Она постоянно жалуется. Лианн 10 лет. Она отличница, умница. У неё милое лицо с маленьким прямым носом. Свои светлые волосы Лианн только собирает отращивать.

– Мика, а почему у нашего кота такой лоб маленький? – вдруг спрашивает Голди.

– Ну, потому что он кот.

–А-а-а. Но лоб у него всё равно маленький.

В девятом часу вечера входная дверь начинает открываться. Мы идём в прихожую встречать кормильца. Скинув плащ, папа ослабляет узел галстука. Его причёску полубокс растрепал ветер. Папа приглаживает волосы рукой. Он не брился несколько дней, на сухощавом лице образовалась щетина. Голди обнимает папу, затем неожиданно пытается укусить. Дианн, я и Лианн так не делали, а малышка почему-то стала кусачей. Унявшись, Голди заводит речь о красной машинке. Лианн хвастается школьными отметками. Папа немногословен с сёстрами, потому что голоден. На кухне он с превеликим удовольствием ест крем-суп из тыквы и мясо с рисом. Затем вся семья перемещается в гостиную. Я, Лианн и Голди устраиваемся на диване. Родители встают посреди комнаты. Папа говорит:

– Хорошая новость – мы пока никуда не переезжаем.

– Здорово, – натянуто улыбаюсь я.

– Лианн, нам с мамой нужно кое-что у тебя спросить. – Папа подходит к сестре. – Как ты считаешь, к тебе в школе хорошо относятся учителя, одноклассники?

Лианн растерянно пожимает плечами.

– Да нормально, – бормочет она.

– Не замечала ничего необычного?

Лианн неопределённо качает головой.

– Что-то странное творится. – Папа почёсывает подбородок. – У нас с мамой недоброе предчувствие. Дочери, пожалуйста, будьте осмотрительны. Повторю то, что уже говорил вам сотню раз – не разговаривайте с незнакомыми людьми, не слушайте то, что они говорят, не ходите с ними, кем бы они не представились. Понятно?

Сёстры кивают. А я злюсь – ко мне относятся, как к ребёнку.

– Лианн, если мама вдруг не сможет забрать тебя после школы, то она вызовет тебе такси и отправит его номер СМС-сообщением. Ты должна будешь сверить номер и, если он полностью совпадёт, сесть и поехать. Денег с тебя не попросят, но всегда держи телефон рядом и проверяй заранее заряжен ли он. Хорошо? Ты всё поняла?

– Да. – Скрестив руки, Лианн придаёт себе защитную позу. Она не считает себя наивной и глупой девочкой.

– Отлично. Анжел, уложи младших в кровати.

– Ещё рано! Ещё рано! – в один голос протестуют сёстры.

– И-и-и... в среду мы поедem на могилу Дианн.

Мама уводит сестёр умываться и готовиться ко сну. Папа молчит, ждёт маму, это не к добру.

Через десять минут возвращается мама. Она плотно прикрывает за собой дверь.

– Мика, ты теперь старшая и полгода как совершеннолетняя – присматривай за сёстрами, – просит папа, берёт меня за плечо и пристально смотри мне в глаза. – После того, что случилось с Дианн и Джеймсом, тебе лучше пока не заводить знакомств с молодыми людьми.

– Ты сейчас в таком возрасте... сама понимаешь... – продолжает мама. – Мы нашли одного очень хорошего специалиста, он тебя посмотрит, ладно?

– Итак смотрели! – взрываюсь я. – Всё со мной в порядке!

Я трижды ходила летом к разным гинекологам, с меня довольно!

– Дианн тоже чувствовала себя нормально...

Родители скрыли от меня, что произошло со старшей, но я подслушала их разговоры – у Дианн врачи поздно обнаружили скрытую болезнь, которая обострилась к концу беременности. Сестра не выдержала родов и погибла вместе с ребёнком.

Мама садится рядом со мной, вкладывает свои руки в мои. Папа говорит:

– Мика, мы с мамой тебя очень любим. Хотим, чтобы ты была счастлива, радовалась жизни. Ты дорога нам, пожалуйста, береги себя.

Родители крепко обнимают меня. Растрогали своей заботой. Пожелав им доброй ночи, иду чистить зубы. Пытливо изучаю себя в зеркале. Да, родилась красивой, но буду ли я счастлива? Ложусь в кровать и беззвучно плачу в подушку. Я безумно скучаю по Дианн и Джеймсу.

Глава 3

– Опоздаешь в колледж! – говорит мама, уходя на работу.

– Сама встану! – отвечаю я и снова погружаюсь в сон.

Лежу и лежу, как вдруг раздаётся звонок в квартиру. Плетусь открывать дверь. Белла – кто же ещё.

– Давай шевелись или ты вообще не собираешься идти на занятия? – торопит подруга.

– Поставь чайник, – прошу я.

Заскочив в душ, сушу волосы феном и бережно расчёсываю. Затем надеваю чёрное платье с баской.

Утром у меня скромный аппетит. Ем лёгкий йогурт, пью чай с тостами.

На улице свежо, гуляет холодок. Следую за Беллой. Волнение нарастает. Перед дверью тату-салона подруга толкает меня локтем и спрашивает:

– Готова?!

– Нет проблем, – вру я и захожу внутрь.

Тату-салон напоминает медицинский кабинет. В углу стоят кушетка и столик. На белых стенах развешены электронные плакаты с изображением татуировок. Тату-мастер приглашает нас жестом руки. Парень сухощавый, с длинными тёмными волосами. Одет в серую футболку и чёрные джинсы. На всю руку у него татуировка большой цветной дракон. Натужно сглотнув, выуживаю из сумочки купон, который дала мне Белла, и протягиваю тату-мастеру. Он спрашивает:

– Что набить?

Я оглядываю электронные плакаты. Хочу всё и ничего. Мой взгляд останавливается на татуировке в виде бантов.

– Б-банты объёмные на ягодицах, – отвечаю я крайне неуверенно.

– И покрупнее, – смеётся Белла.

Я снимаю куртку, ложусь на кушетку. Мурашки бегают по коже. Я мысленно готовлюсь испытывать боль. Тату-мастер берёт специальный пистолет и приступает к делу. Вместо красящего пигмента он вносит мне под кожу пикодиоды, которые будут светиться. Приходится потерпеть, пока меня жалят, словно осами. Время от времени мы с Беллой переглядываемся, подруга подбадривает меня улыбкой.

Тату-мастер выполняет работу за час, потом объясняет, как через приложение на эффоне управлять пикодиодами. Подразобравшись, я делаю себе белые банты с чёрной обводкой – так татуировка подойдёт к платью.

Глядя в зеркало, мы с Беллой приходим в восторг. Мои банты смотрятся дерзко и сексуально. Кожа на ягодицах покраснела, зудит и болит. Но это того стоило.

Платье лишь наполовину прикрывает татуировку. В колледже заметят. Как-то я не сообразила.

Напоследок тату-мастер говорит мне не забывать заряжать пикодиоды от мобильного телефона.

– Буду ждать снова. – Парень машет нам рукой.

– Придём, если выиграем ещё купон, – смеёмся мы с Беллой. – Почаще устраивайте розыгрыши.

В колледже я чувствую себя неловко, часто поправляю платье и мысленно прошу не обращать на меня тех, кто проходит мимо. Хорошо, что большинство студентов на занятиях.

На вторую пару мы с Беллой тоже опоздали, поэтому идём коротать время в столовую. Я покупаю эспрессо-макиато. Попивая напиток, медленно отхожу от пережитого стресса.

– После занятий я к Жану, – делюсь планами.

– Только не показывай ему татуированные ножки, – предупреждает Белла. – А то сведёшь с ума...

Подруга осекается, прикрывает рот рукой:

– Ой, прости меня. Мне не следовало так говорить.

– Ничего. Ты ведь имела ввиду другое.

Перед звонком на перемену идём к аудитории, где будет последняя пара. Я прижимаюсь к стене, чтобы отсрочить появление пикантной новости.

Наступает большой перерыв. Приходят одноклассники. Почему-то на мне они задерживают взгляды. Что происходит? Или я себе накручиваю?

– Классное тату, – делает мне комплимент Жан, улыбаясь от уха до уха.

– Спасибо, – отвечаю я, скрывая удивление.

– Ну, увидимся после занятия.

Я киваю.

Откуда Жан знает?! Я хмурюсь. Мы с Беллой озадаченно смотрим друг на друга.

– Может быть, что-то уже попало в сеть, – шепчет на ухо подруга.

– Читаешь мои мысли.

Белла шустро заходит в интернет с телефона. Через каких-то десять секунд она начинает сдержанно смеяться:

– А вот и твои ножки!

Я смотрю на дисплей и краснею от смущения – в социальной сети в группе «Подслушано в Соважском колледже искусств» полчаса назад анонимно опубликована моя фотография с комментарием: «Мишель Ру и её новое тату. Ловите, пока кожа ещё горячая». Получается, в коридоре какой-то студент любовался моей спиной, обратил внимание на банты и щёлкнул их. Фотография собрала немного лайков, её никто не прокомментировал.

Набрав полную грудь воздуха, прохожу в конец аудитории. Кому интересно, тот обернётся и удовлетворит своё любопытство.

На лекции по истории кинематографа пожилой преподаватель рассказывает об отважных фронтовых журналистах, которые освещали события войны. Мы смотрим документальные фильмы. В первом бомбардировщики союзников летят под прикрытием истребителей и вдруг ни с того ни с сего начинают падать, словно потеряв крылья. Во втором солдаты союзников, не прикрываясь никакими силовыми щитами, идут в атаку и оказываются под ужасным градом пуль и снарядов. Со стратегической высоты оператор снимает их прорыв. Солдатам удаётся штурмом взять форпост. Всеобщее ликование. Победа! Но внезапно всё пространство вокруг озаряет яркая вспышка света, следует хлопок и мощное сотрясение. Грибовидное облако вдали стремительно растёт и поднимается высоко в небо. Происходящее кажется чем-то противоестественным. Оператор в камеру успевает попрощаться со своей семьёй, потом приходит ударная волна и уносит его в вечность. Какими же раньше люди были бесстрашными, какими жертвенными, какими отважными! Во время спектакля мне предстоит перевоплотиться в одного такого смелого и храброго человека.

К концу пары желание идти к Жану полностью пропадает. Мне просто хочется домой. Однако поздно отказываться.

– Может завтра в клуб? – предлагает Белла.

– Напиши мне.

Я прощаюсь с подругой и следую за Жаном. Мы оба молчим. Мне неудобно начинать разговор первой.

Жан ютится в квартире-студии, расположенной неподалёку от колледжа. Мебели мало: односпальная кровать, шкаф, кухонный гарнитур, диванчик, столик, пара стульев. Из плюсов студии: всё находится близко. Из минусов: может развиться клаустрофобия.

Жан помогает мне раздеться. Он ждал гостью – в студии наведён порядок.

– В живую банты смотрятся намного красивее, чем на фотографии, – льстит Жан. Испытывая неловкость, я поправляю платье.

– Но нужно было делать татуировку в свободное от учёбы время. Преподаватель по истории довольно строгий. Он отметил в журнале прогульщиков и сказал, что спросит их на семинаре.

Не повезло мне. Я прячу лицо в ладони.

– Расскажи мне всё по порядку! – прошу я и сквозь пальцы наблюдаю, как отреагирует Жан. Он делает сочувственный вид.

– Чай?

– Да, пожалуй. О-о, а ты знаешь историю разгрома Западной Руны. Я записалась в спектакль об этой битве.

– Кого будешь играть?

– Партизанку.

– Похоже, у тебя одна из главных ролей. Слышала что-нибудь о Ларе Леман?

С ролью я прогадала.

– Кто она?

– Это длинная история. Какой будешь чай?

– А какой есть?

– Эрл Грэй.

– Давай.

– Тебе сколько кубиков сахара?

– Три.

Мы садимся за стол. Жан протягивает мне кружку с напитком и начинает рассказывать.

Руны – это форпосты Генезии с военными производствами, госпиталями и лабораториями. Они строились для осуществления блицкрига, позволяли быстро лечить раненых и перегруппировывать войска. Ещё в них выращивались генно-модифицированные культуры. Учёными после войны было установлено, что солдат Генезии в старости ждал бы рак из-за употребления продуктов, произведённых в Рунах, а их потомки страдали бы хроническими заболеваниями. Получается, что после победы население Генезии не сумело бы построить совершенное общество, обещанное Генетиком.

Армии «Центр» союзников в ходе наступления удалось оттеснить войска Генезии к Западной Руны. Но проводить решающий штурм было крайне рискованно. Армия понесла большие потери, провизия оставалась только захваченная – вредная, ощущалась острая нехватка боеприпасов. Подмога не успевала подойти, а передышку врагу давать было нельзя. Поэтому командование армии «Центр» союзников приняло решение взять Руны во что бы то ни стало. Партизанское движение во время войны практически отсутствовало – армия Генезии не оставляла позади себя людей, способных на сопротивление. Все здания проверялись сенсорами, жители сгонялись в концентрационные лагеря, где обращались в «Пешеходов». Только в деревнях и дальних селениях образовывались небольшие отряды партизан. Один такой отряд пробился к армии «Центр» союзников накануне штурма. Партизаны доставили экологически чистые продукты и натуральное мясо животных. У армии «Центр» союзников были только генно-модифицированная провизия Генезии. На солдат она действовала губительно. Пища придавала сил, но при этом сильно изнашивала органы. В период войны множество человек заболели онкологическими заболеваниями, развившимися после употребления еды Генезии, которую саркастически называли «Пищей Богов». Партизаны отдали полезные продукты ударным отрядам армии «Центр» союзников, а сами взяли себе генно-модифицированные. Лара Леман дочь командира партизан влюбилась в бойца ударного отряда. Чувства оказались вза-

имными. Боец просил Лару, чтобы она поела свою деревенскую еду и родила ему здоровых детей. А девушка сомневалась, будет ли светлое будущее, если боец не поест нормальной пищи и не сможет полноценно сражаться. Они спорили, какую еду кому есть. В конце концов, боец поддался уговорам Лары: она съела вредную пищу, а он здоровую. И они вместе легли спать. Ранним утром армия «Центр» союзников вступила в один из самых кровопролитных боёв всей войны. Солдаты союзников брали один рубеж обороны Генезии за другим. Натиск был отчаянный и бескомпромиссный. К ночи ценой сотен тысяч жизней армии «Центр» союзников удалось штурмовать Западную Руну. Большинство ударных отрядов погибли в ходе боёв. Уцелевших солдат тоже ждала смерть. В Руне находились бомбы, и войска Генезии, отступая, уничтожили павший форпост, чтобы технологии Генетика не оказались в руках союзников. От Руны осталась пустошь, укрытая пеплом. Поле битвы послужило коридором для прибывших с других континентов армий. Спустя два года цепь Рун, тянувшаяся до Генезии, была уничтожена. Столицу государства Настоящий Эдем взорвал сам Генетик, обратив заодно и себя в пыль. Историки утверждают, что к тому времени он полностью обезумел.

– А что случилось с Ларой? – спрашиваю я.

– Неизвестно. Наверное, она оказалась в зоне поражения во время взрыва. Выжили только те, кто ушёл в тыл перед битвой. Они и поведали миру эту трагическую историю любви.

Я понимаю, что история Лары отчасти выдумана. Союзники при помощи пропаганды поднимали боевой дух в войсках.

Дальше Жан рассказывает о предпосылках к войне, о первых наступательных операциях Генезии, о концлагерях и «Пешеходах», об огромных потоках беженцев. Я почти не слушаю – настроения нет никакого.

– Ты голодна? – спрашивает Жан.

– Не особо. Дома перекушу.

– В принципе, основное я изложил.

– Да? – Я растерянно моргаю глазами. – Спасибо, что помог разобраться.

Я по-дружески обнимаю Жана. Он пробует прижаться ко мне, но моё тело этому противится.

– Побежала я, благодарю за чай.

– Может в следующий раз посмотрим фильм?

– Хорошо.

Перед тем, как закрыть дверь, Жан смотрит пристально мне в глаза, хочет что-то сказать, но не решается.

В вагоне метро битком. Большинство пассажиров закупились продуктами – впереди центральный выходной недели. Новые технологии повысили производительность труда, и люди стали работать ещё на один день меньше. Некоторые страны предпочли отдыхать три дня подряд, а у нас решили разделить выходные, чтобы люди не загуливали.

Дома мама и сёстры. Побегав рядом со мной, малышка Голди пальчиком указывает на мои ноги:

– Вон там у неё светится!

Ничего не утаишь. Вздохнув, демонстрирую сёстрам свои банты.

– Хочу такие же! – говорят в один голос Лианн и Голди, трогая мою татуировку. – Мама, идём туда же и сделаем мне такие же!

Сёстрам ещё рано делать татуировки. Мама изобретает способ, как утешить Лианн и Голди. Она подвязывает им на ножки ленты. Забавная получается картина.

Помню, как два года назад Дианн проколола себе пупок. На следующий день я потащила маму в больницу и проколола свой.

Уйдя в комнату, учусь настраивать банты. Завтра моя татуировка будет чёрной-пречёрной.

Глава 4

Будильник эффона срабатывает рано, как в учебный день. Потянувшись, встаю с кровати, выглядываю в окно. Свинцовые тучи затянули небо, Соваж мрачен. В прошлый раз, когда ездили на могилу к старшей, погода была тоже ненастная.

Я отчётливо помню лицо Дианн, лежащей в гробу. Прекрасное лицо, какое бывает у девушки в 22 года. Накладывать грим не пришлось. Лицо сестры не успело сделаться синим и мертвенным, будто магией оно сохранилось таким, каким было, когда у неё билось сердце.

Приняв душ, иду на кухню, откуда доносятся голоса. Все завтракают. В воздухе витает вкусный аромат свежей выпечки.

– Мика, поторапливайся! – просит мама, беря Голди за ручку.

Лианн встаёт из-за стола, и троица уходит одеваться. Я остаюсь наедине с папой. Он допивает какао.

Налив себе чай, беру с тарелки круассан с малиновым джемом.

– Показывай, что там у тебя, – говорит папа. Вчера он задержался на работе и не видел, что я с собой сотворила.

Я дико смущаюсь. Как бы выкрутиться?

– Давай, давай, – не отстаёт папа.

– Ну, хорошо. – Я поворачиваюсь к нему спиной, демонстрируя татуировку. Знала, что так будет, и надела короткие домашние шортики.

Изучив банты, папа поднимает большой палец вверх, затем опускает вниз, потом опять поднимает вверх. Он смеётся надо мной одними глазами. Я строю ему рожицу, съедаю круассан и иду одеваться. Вскоре семья собираемся в прихожей, и мы дружно выступаем.

На парковке садимся в серебристый внедорожник, который полгода продаётся на всех известных сайтах, куда можно подавать бесплатные объявления. Я говорила папе не загибать цену. «Нормальная цена, продадим», – спорил он со мной. С другой стороны, хорошо, что папа не послушал моих советов – так у нас в семье до сих пор есть приличный автомобиль.

Папа едет на окраину города. Гляжу в окно. Не понятно, крапает дождь или нет. Дороги и тротуары сухие, но это ни о чём не говорит. Между высотками могли растянуть энергетические поля, и тогда капли падают на них, затем стекают в систему орошения. Папа останавливается возле цветочной лавки купить белых гербер. Любимые цветы Дианн, мои любимые.

В дороге мною овладевает дикая тоска по Дианн. Потеряв сестру, я потеряла уверенность в будущем. Если Дианн была обречена на смерть при родах, то это может произойти и со мной, и с младшими. Так родители считают.

Миновав подъездную аллею, внедорожник въезжает на территорию трёх примыкающих друг к другу кладбищ. Первое кладбище солдатское с могилами павших воинов союзников. Второе кладбище «Дошедших» с братскими могилами «Пешеходов» – простых людей из разных стран мира, которые по чужой воле прошли половину Европы сюда к нам, служа живым щитом для армии Генезии. Третье кладбище общественное с могилами горожан.

Внедорожник проносится мимо сотен каменных изваяний и останавливается напротив высоких железных ворот. Голди захотелось в туалет. Пока с ней возятся, я иду по узкой дорожке к могиле Дианн. За железной оградкой могилы старшей с краю стоят скамеечка и столик, в центре бетонное основание, уложенное плиткой; на подставке установлена вертикальная стела из тёмного мрамора с надписью; внизу лежит надгробная плита. Я вынимаю из пакета плюшевого медвежонка в прозрачной герметичной обёртке. В детстве мы ссорились с Дианн из-за игрушки. С кем медвежонок будет спать ночью? Кого он больше любит? Забирай сестра. Теперь он только твой, теперь он будет видеть только твои сны. Кладу игрушку и вдруг понимаю, что-то не так. В цветнике нет белых роз-подснежников. Почему не выросли их семена?

Ясно, почему! Кто-то выдернул растения и посадил вместо них чёрные генно-модифицированные розы-сорняки. До чего же они уродливые! На надгробном камне вдруг замечаю выцарапанные слова: «Губительница», «Пустышка». Я прихожу в ярость. Сердце будто укололи шипом. Очень больно. Хочется плакать, невыносимо хочется. В интернете я читала про сообщества, члены которых полны неприязнью к таким, как я. Почему-то уверена, что без них тут не обошлось.

О-о нет – Лианн близко! Я скорее прикрываю оскорбительные слова парой сырых листов. Затем выдираю розы-сорняки. Цветы пустили корни в надежде перезимовать. Вместе с кусками земли засовываю растения в пакет. Как назло я без перчаток, и поэтому пачкаю себе руки, укалываю их о шипы, царапаю. Успеваю немного примять землю, прежде чем Лианн достигает могилы. Скорбь на лице сестры сменяется замешательством. Она хмурится. Я стараюсь вести себя невозмутимо. Сжимаю руки в кулаки, чтобы выступившая из царапин кровь не закапала на землю.

Появляются родители с младшей.

– Грязнуля! – бросает мне Голди, указывая на испачканные руки. Обычно ей такое говорят.

Мама сурово смотрит на Голди, и сестра тут же замолкает. Я прячу за спину набитый розами-сорняками пакет. Хорошо, что он непрозрачный. О чём подумали родители?! Сейчас они ничего не скажут.

Папа кладёт на цветник букет белых гербер. Мама ставит свечку. Мы обнимаемся. Вновь читая надгробную надпись, я вспоминаю старшую.

Дианн Ру

22.05.2168 – 08.06.2190

Любимая дочь, сестра.

Незабвенная невеста.

Последние два слова поцарапаны лезвием. Папа щурится, как сыщик заметивший улику. Я бы съездила с ним до одного дома и в два счёта распутала бы это преступление. Мой круг подозреваемых узок.

– Ладно... идёте, – говорит мама.

– Я схожу ещё на одну могилу? – прошу я.

Мама понимающе кивает:

– Подождём тебя в машине.

Я прихожу к простой могиле без оградки, вернее сказать, это кенотаф. Прямоугольная надгробная плита выполнена из чёрного гранита. На плите изображён парень с добрым красивым лицом: большие глаза, прямой нос, толстые губы – Джеймс. Полгода назад я виделась с ним, ощущала тепло его тела.

Когда Джеймс пропал, я потеряла главную мечту своей жизни. Он был мне бесконечно дорог, но я не торопилась признаваться в своих чувствах и буду долго корить себя за это.

Джеймс Руже

25.12.2172 – 12.07.2190

Любимый сын.

Правда найдёт нас.

Скорбим...

Меня беспокоит мама Джеймса. Элисон ищет правду о таких, как я. На похоронах она смотрела на меня обвиняющим взглядом. Элисон как-то поняла, что Джеймс пытался удрать из лагеря из-за меня. Думаю, после случившегося она убеждена, что такие, как я, приносят беду в дом.

Я ухожу от могилы Джеймса с тяжёлым сердцем.

Плутаю по кладбищу, мне встречается знакомая могила с винтажной оградкой и высокой плитой.

Брюс Хилл

11.02.2165 – 15.06.2190

Любимый сын и брат.

Брюс жених Дианн. Они планировали сыграть свадьбу после рождения ребёнка. Когда сестра не перенесла родов и погибла вместе с малышом, Брюс отказался жить без неё... без них... Его родители с самого начала с осторожностью относились к Дианн, ко всем нам, и после трагедии обрушились с критикой на маму с папой. Мол, их предупреждали, что всё может так плохо кончиться. Мне кажется, мама с папой от части винят себя в смертях Дианн и Брюса. Чтобы больше ничего плохого не стряслось, они теперь внимательно присматривают за Дианн и особенно за мной, потому что я уже в том возрасте, в котором можно иметь детей.

Думаю, кто-то из родственников Хиллов или их друзей посчитал, что гибель Брюса лежит на плечах Дианн и отомстил ей, осквернив могилу. Нужно быстрее разобраться с этими нелюдями.

Раздаётся клаксон внедорожника. Я хочу ещё раз вернуться на могилу сестры. Нельзя. Хочу просто обернуться. Тоже нельзя. Рядом с выходом установлен умывальник. Я привожу себя в порядок. Вода ледяная.

Открыв багажник внедорожника, кладу в уголок пакет. Меня заждались:

– Что так долго? – интересуется мама.

– Поплутала.

В поездке мы делимся разными историями про Дианн: как сестра поскользнулась на паркете, как порвала платье на следующий день после покупки, как шесть месяцев скрывала от Брюса беременность и водила его за нос, как, как, как...

Мама и сёстры высаживаются у подъезда дома. Я остаюсь в машине и жду, пока папа запаркуется.

– Что там у тебя? – спрашивает он, заглушив на стоянке мотор машины.

Я показываю пакет в багажнике. Папа разворачивает его, ворошит содержимое, хмурится.

– И плиту испортили... – говорю я.

– Как твои руки?

– Ну, так.

Я демонстрирую ладони – кожа вся изранена. Папа открывает автомобильную аптечку.

– Сильно ты... придётся потерпеть...

Папа бережно обрабатывает раны и ссадины раствором. Больно щиплет. Я закусываю нижнюю губу.

– Ничего, заживёт. Лучше?

– Жжёт.

– Потерпи, дочь.

– Нет проблем.

– Думаешь, это они сделали? – Папа пришёл к такому же выводу.

– Кто-то из них...

– Вроде, неплохие они люди... Я поговорю с ними. А маме ни слова. Потом сам ей всё скажу...

– Действуй папа, или я сама до них доберусь.

– Завтра позвоню знакомому мастеру. Он приведёт плиту в порядок. И когда в следующий раз поедем к Дианн, я заранее всё поверю.

Я одобрительно киваю.

У дома папа бросает пакет в мусорку с такой силой, что он лопается по шву и едва не взрывается, как грязевая бомба. Выпустил пар. Лучше не бесить моего папу. Его горячность передалась и мне.

Глава 5

Вечером в социальной сети приходит сообщение от Беллы:

Готова к вечеринке?! Вход свободный и два коктейля бесплатно. Я заеду на такси в десять.

Если честно, я очень ждала этого сообщения. Хочется отвлечься, после того что я пережила на кладбище. Думаю, парочка крепких коктейлей, танцпол, громкая музыка – это то, что мне необходимо. «Просто пойду потанцую», – говорю себе, однако, частичка меня ухмыляется и заявляет, что я бессовестно вру. Да, родители просили меня не общаться с молодыми людьми, но всё равно я инстинктивно пытаюсь привлечь к себе внимание противоположного пола, к примеру, накануне сделала изящную татуировку. Я явно нуждаюсь в контроле. Пишу ответ Белле:

Ты проследишь, чтобы я вела себя правильно?

Да, конечно, я присмотрю за тобой.

У меня два часа на сборы – с запасом. Расчесав длинные волосы на две стороны одинаково ровно, мою голову шампунем, затем сушу волосы и снова расчёсываю. Я постоянно сохраняю чёткую линию, разделяющую волосы. В итоге получается именно та причёска, которую хотела: прямые волосы с прямым пробором по середине головы.

Нижнее бельё надеваю белое с тач-пуговками – писк моды. Маленькие застёжки по бокам трусиков и застёжки на лифчике расстёгиваются отпечатком пальца. Мой эффон обменивается информацией с застёжками. В специальном приложении создан список, куда я вношу отсканированные отпечатки. Сейчас бельё запрограммировано на мои отпечатки и Джеймса. Его пальчики я отсканировала больше года назад, пока он дремал. К несчастью, мы с Джеймсом не успели стать парой, и он не воспользовался возможностью, которой я его втайне наделила. Надо бы удалить отпечатки Джеймса из приложения, но я всё забываю. А когда до этого доходит дело, у меня рука не поднимается. Вот и сейчас нет абсолютно никакого желания оставлять себя единственной в списке доступа к тач-белью. «Вдруг Джеймс каким-то образом выжил и объявится?!» – посещает меня невероятная мысль в такие моменты.

«Платье... платье, платье, платье...» – размышляю я, стоя у открытого шкафа. Платьев у меня не так много. Одно есть очень красивое: короткое, нежно-розового цвета, с сеточкой на талии. Его и снимаю с вешалки. В приложении эффона делаю свою татуировку розовой. Пикодиоды бантов послушно меняют цвет на новый, выбранный из палитры.

Затем крашусь, как мама советовала: наношу на лицо чуть-чуть тонального крема, одним карандашом подвожу брови; создаю слабые тени; другим карандашом подвожу глаза; наношу тушь, немножко пудрюсь, создаю румяна и крашу губы недавно открытой красной помадой. Из зеркала на меня глядит бесподобная девушка. Но почему она так тяжело вздыхает?! Безупречная, но никем нежеланная, никем нелюбимая.

Духи у меня перевелись, однако есть отличная туалетная вода. Её ароматная композиция вызывает ассоциации с райским цветочным садом – так написано на упаковке. Распыляю туалетную воду на запястья, на впадинку между ключицами, на шею и на мочку уха.

Я готова, и время осталось. Иду перекусить. На кухне хлопочет мама.

– Куда такая нарядная собралась? – спрашивает она.

– На вечеринку. Вернусь поздно. Может переночую у Беллы.

Мама смотрит на меня пристально, отпускать не хочет, но и обидеть боится.

– Я ведь тоже была в твоём возрасте, ходила на танцы и на них, между прочем, встретила твоего папу.

Ого, я вступаю в клуб посвящённых. Я не знала, как родители познакомились.

– И как же это случилось?

Мама застенчиво улыбается.

– Любовь с первого взгляда и баста! – Мама открывает шкаф-термостат и достаёт бутылку красного вина. – Поищи штопор.

Я отыскиваю приспособление в ящике стола и передаю его. Умело открыв бутылку, мама снимает бокалы с рейлингов и наполняет вином. Я никогда не пила с мамой. Сжимая в руках бокал, стесняюсь, как будто мне 14, а не 18.

– Когда ты встретишь свою судьбу, то обязательно испытаешь особую тревогу, особое волнение, возбуждение. – Мама глядит мне в глаза. – Твоё сердце замрёт на миг, и ты поймёшь, что он – твоя остановка. Танцуй с ним, но не торопи события. Готовь вначале на слабом огне... – Мама поднимает бокал. – Мика, ты такая красивая выросла и заслуживаешь самого лучшего. За тебя, дорогая, салют!

– Салют, мама! Спасибо!

Мы чокаемся бокалами. Я выпиваю глоток восхитительного молодого вина с фруктовым ароматом. Наслаждаясь напитком, мама посматривает в окно. Папу вызвали на работу. Мама будет дожидаться его, нальёт себе ещё вина, будет скучать и ни за что не уснёт без ласки любимого мужчины. Я завидую ей доброй завистью.

Допив бокал, иду одеваться. Мои ножки от ушей на высоконьких, прозрачных, словно из хрустала, каблуках.

– Пока, дорогая, – говорит мама.

Я наклоняюсь, давая поцеловать себя в лоб.

На улице поздний вечер, темень. Мне свежо, ощущаю вкус вина на губах, в голове играют лёгкие нотки похмелья. Появляется волнение – скоро я окажусь в тёмном зале с незнакомыми людьми.

Такси приезжает без опоздания.

– Мика, ты просто огонь! – восхищается Белла моими макияжем и причёской. Мы с подругой ребячески целуемся в губы.

– А ты чудесна!

Белла выглядит прекрасно. Накрашенное нежное лицо, волосы завязаны сзади узлом. Она совсем как одна из «нас». Не знаю можно ли считать это комплиментом.

Ну вот, у меня опять просыпается совесть. Узнав о гибели Джеймса, я много и часто плакала. Горе, сравнимое с потерей сестры. Пол-года мама утешала меня. Врач, к которому меня водили, посоветовал не замыкаться в себе, больше общаться со сверстниками, проводить время активно. Уже второй месяц я хожу на вечеринки, и мне лучше. Может из-за танцев – выплеска энергии, может из-за коктейлей, а может просто из-за того, что проходит время, и я что-то забываю. Джеймс бы хотел, чтобы я радовалась, веселилась, встретила кого-нибудь и была счастлива. Но совесть иногда, как сейчас, просто съедает меня, мучает, говоря, что ещё рано кутить, влюбляться, жить полной жизнью. Я чувствую, душевный разлад усилится, если меня постигнут новые неудачи и разочарования.

Такси останавливается напротив небоскрёба с горящими вывесками. Белла оплатила поездку при заказе. Позже сочтёмся с подругой, хотя она всегда против того, чтобы я переводила ей деньги.

Следую за Беллой в огромный вестибюль здания. Вежливый гардеробный робот из белого пластика забирает у нас верхнюю одежду. Поблагодарив его, идём к лифту. Белла гримасничает, пытаясь меня развеселить. Она видит, что я какая-то очень серьёзная и напряжённая,

словно впереди важное мероприятие. В ответ я растягиваю губы в улыбке, но ненадолго. Белла трогает сеточку моего платья и одобрительно кивает. Я, в свою очередь, касаюсь светло-голубого платья подруги.

– Классное, – говорю я.

Плечистые охранники в чёрных пиджаках стоят у выхода из лифта. Посмотрев на нас, они жестом руки приглашают пройти дальше. У скучающей девушки на стойке мы получаем браслеты клуба «Скай Флай» и карточку на два коктейля.

– Будешь класть какие-нибудь деньги? – осведомляется Белла.

Тут своя система оплаты.

Я отрицательно мотаю головой. Два коктейля для меня оптимально, если больше, то неизвестно чем дело закончится.

Посетителей кот наплакал. Зачем мы притащились так рано? Есть и плюсы – бар свободен. Устроившись на высоких стульях, Белла сразу заказывает у робота-бармена оба коктейля и велит мне поступить таким же образом. Кто-то желал промочить горло.

Мало-помалу танцпол заполняется красивыми соважанками. Девушки ухоженные, как домашние кошки. Их дорогие маникюры на руках люминесцируют, словно светлячки. Много женщин с изменённой внешностью. Пластические хирурги сделали их похожими на молоденьких девушек, но я распознаю кто есть кто. По глазам – у женщин они потускневшие, не буйные, по одежде – на женщинах или свободные платья, или туники; по движениям – женщины не такие гибкие и резвые. Большинство этих женщин потеряли надежду найти спутника жизни, и поэтому они здесь попросту пьянствуют, ведут себя развязно. Если подумать, причина их несчастья – эхо далёкой, далёкой войны.

Появляются девушки из таких, как я, но постарше, возраста Дианн. Они с парнями. Успели завести отношения, до того как поползли слухи. Приходят мужские компании. Такие, как я, девушки и обычные танцуют в разных местах площадки. Белла тянет меня в «смешанную зону». С обычными держи ухо остро, могут ударить локтем. Я, на всякий случай, дистанцируюсь от них. Первую минуту я двигаюсь вяло, затем становлюсь раскованной. Глядя по сторонам, в который раз отмечаю, что такие, как я, почти не курят, если пьют, то умеренно.

Белла трогает меня за ягодицу шутя, напоказ. В ответ я глажу живот подруги. Парни, танцующие рядом, улыбнулись, сглотнули. Им понравилось увиденное. Но наши с Беллой забавы не идут ни в какое сравнение с великолепным, страстным танцем на подиуме девушки-ангела из таких, как я, одетой в белое боди. Один из мужчин неожиданно кланяется ей и опускается на колени. От обожания? Или устал? Охранники быстро удаляют мужчину с площадки, попробуют вразумить его, если не получится, попросят взять такси и поехать домой, а будет сопротивляться, получит чёрную карту и целый год не сможет посещать это заведение.

В клубах я веду себя осторожно, мало кому улыбаюсь, всё из-за одного случая. Месяц назад на похожей вечеринке я познакомилась со стажёром полиции. Он был с другом. Я танцевала с ним, он обнимал меня за талию, иногда его губы находились близко от моего лица. Первый серьёзный звоночек прозвучал, когда стажёр предложил своему другу потанцевать со мной. Тому хватило ума отказаться. Затем случилась непонятная мне вещь: стажёр начал напиваться и, напроць забыв обо мне, пошёл в другой клуб или бар. У выхода он махнул рукой в мою сторону и сказал другу невнятно: «Да ну её!». Помню, как опёрлась на боксы, куда люди кладут личные вещи для хранения, и горько заплакала, размазывая тушь вокруг глаз. А Белла села передо мной на карточки и говорила что-то важное, поучительное. Потом подруга поднялась, приставила палец к виску и сделала себе воображаемый выстрел в голову, потрясла меня за плечи и, подытоживая, сказала, что я вела себя, как провинциальная дура. Она пообещала, что впредь не позволит мне быть такой наивной и глупой. Белла храбрилась, я это понимала. Подойди стажёр к подруге, а не ко мне, мы бы с ней поменялись местами. И уже я бы читала нотации зарёванной Белле. Позже в тот же вечер ко мне подошёл порядочный молодой чело-

век (как мне показалось), он предложил познакомиться, был искренен, но я отказала. Настроения не было никакого. Как бы всё повернулось, если бы я встретила его первым? Этого я уже не узнаю никогда. Что теперь жалеть? Может быть, я случайно столкнусь с ним где-нибудь в общественном месте, или он придёт сюда сегодня. Маловероятно, но хочется верить в сказки.

Потерпев фиаско, я сделала выводы. Если начинать общение, то с трезвым человеком, и на вид он должен казаться хорошим. Конечно, можно попасть на хитрющего разводику, но в какой-то момент он покажет своё истинное лицо, станет наглым, и так я догадаюсь, что он полное ничтожество.

Глядя на пьяных в дым взрослых особ, понимаю – я никогда не буду той, которая соврёт симпатичному молодому человеку, сказав, что она занята, той, которая после пожалеет об этом и будет ждать следующего раза и снова будет не готова, снова что-то ляпнет, снова после пожалеет, и так пока не подурнеет, не сделает пластику, не наденет свободное платье и не станет зрелой женщиной, напивающейся в лоск. Я не сделаю подобной ошибки и скажу: «Да, можно познакомиться».

Печально, что на всех других вечеринках никто мною не заинтересовался.

– Хочешь познакомиться? – Таинственный незнакомец трогает меня за талию.

Я хочу ответить – «Да», как и было задумано, но увы и ах: мужчина лет на 15 старше меня, это, конечно, не приговор, дело в другом – у него неопрятный вид, и он много выпил (разит алкоголем). Очевидно, ему не нужны длительные отношения.

– Нет, извините, – отвечаю я.

Летом психолог, между делом, рассказала мне, что есть несколько способов отказа, и я сейчас выбрала неудачный вариант – прямой отказ. Если бы я выдумала достойную причину, то таинственный незнакомец сразу бы отстал, а так нет, продолжает танцевать, акцентируя на мне своё внимание.

Почему я не соврала, что у меня есть молодой человек, и что он наблюдает за нами? Да, нарушила бы собственное правило. А так приходится спасаться бегством. Хорошо, что я умею растворяться в толпе, прямо как это делают в фильмах. Раз и меня нет на танцполе. Таинственный незнакомец в недоумении крутит головой.

– Не мой вкус, – материализуюсь я возле Беллы. Подруга пьёт третий коктейль на баре, хотя должна была приглядывать за мной.

– Мика, тебе не угодишь! – Ей легко говорить, она видела таинственного незнакомца только издалека.

Мы идём в туалет, а после туда, где потише, перевести дух. Чувствую, что пьянею. Два парня, одетые в чёрное, беспокоят нас:

– Девушки, может выйдем на свежий воздух? – предлагает один и достаёт из кармана электронную сигарету. – Тут есть балкон. Поговорим. Что скажете?

Белла играючи отшивает парней – вытянув перед собой раскрытую руку (её жест «при- тормози-стой»), говорит им с расстановкой:

– Нет, спасибо.

Парень, обратившийся к нам, хочет что-то ещё сказать, но махает электронной сигаретой, и они с другом уходят.

– Мутные они какие-то, – роняет Белла.

Я опускаю ресницы в знак согласия.

Вскоре у меня появляется догадка, почему к нам могли подойти. Мы встали прямо у ящика-автомата с чёрными и золотыми люксовыми презервативами. Я кивком головы делаю намёк Белле, и мы меняем место отдыха.

Позже на танцполе я вдруг замечаю одного из тех мутных ребят. Он странно смотрит на меня, явно что-то замыслил. Мне везёт – парень подкрадывается к другой девушке (или

женщине), нагло схватив её, закидывает на плечо и уносит с площадки. Со мной бы у него не прошёл подобный номер – слишком большая.

Я поражаюсь молоденькой девчужке из обычных. Вот как она может широко улыбаться тощему лысому мужчине с заострившимися скулами и страшными глазами, в которых расширены зрачки? Неужели не ясно, с ним что-то не так и от него нужно держаться подальше.

Обычно мне нравится смотреть в зеркалах клуба, как я танцую, но не в этот раз. Меня совершенно неожиданно охватывает чувство безнадёжности, безвыходности. Чтобы я ни делала, какой бы хорошенькой ни была, я не буду счастлива, не буду окружена любовью и заботой милого мужчины. Не знаю откуда берутся эти мысли. Может быть, алкоголь приоткрыл завесу, за которой скрывалась правда. Страх одиночества довлеет надо мной уже в таком раннем возрасте.

Иду вдоль танцпола сказать Белле, что скоро можно вызывать такси. Отыскиваю подругу глазами. Она встретила знакомую и болтает с ней. Повернув голову, я неожиданно налетаю на мужчину. «А ты куда смотрел, а?!» – хочу я спросить. Так больно столкнулись, кость в кость. Хочется отплатить ему.

– Извини, – говорит мужчина.

Так и быть, мирюсь:

– Ладно, ничего.

Он высокий (иначе я бы попросту снесла его), спортивного телосложения. Одет в белое поло и джинсы. Ему лет 28, не больше. Причёска короткая, как у папы, глаза ясные, живые. Симпатичный.

Мужчина смотрит на меня, а я на него, и мир вокруг словно останавливается. Мужчина пытается обойти меня, а я его. В результате мы плотно прижимаемся друг к другу, потому что сделали зеркальное движение навстречу. Я внезапно понимаю, что не прочь познакомиться с мужчиной.

– Пойдём выпьем по коктейлю? – предлагаю я, взяв его за затылок.

Мужчина невесёлый, как и я. Но, кивнув, соглашается и позволяет себе слабо улыбнуться. Честно, я совершенно не была готова к такому повороту событий.

– Что будешь? – спрашивает мужчина на баре.

Моё сердце учащённо забилось. Я так волнуюсь, будто от выбора коктейля зависит моя жизнь.

– Секс на пляже, – отвечаю я чересчур громко.

Между мной и мужчиной пробегает странный электрический разряд. Зря я заказала коктейль с сексом, вернее коктейль, в названии которого есть слово «Секс». Да, что со мной такое?! На пальцах показываю количество коктейлей: две штуки – другой для Беллы. Получше рассмотрев мужчину, я прихожу к выводу, что знаю его. Память отыскивает печальное воспоминание: похороны Дианн, её жених Брюс кладёт на могилу цветы, сзади стоят его родственники и друзья, среди этих людей был и мужчина, который сейчас покупает мне коктейли. Тогда он обнимал девушку. Её мне заслонили.

Точно: у этого мужчины просто не может никого не быть. «Мика, это нереально, остановись», – подсказывает интуиция. – «Но ты только посмотри какая у него крепкая спина, сильные плечи, шея...» – любитесь мужчиной моё внутреннее я.

Мужчина поворачивается ко мне и протягивает коктейли, которые я уже не хочу брать. Подходит Белла и тыкает в него пальцем:

– Кто это?!

– Всё в порядке. – Я использую жест подруги «притормози-стой».

Ой, я даже не удосужилась спросить, как зовут мужчину, и сама не представилась. Быстро исправляю оплошность:

– Ах, да, меня зовут Мишель, для друзей просто Мика, а тебя? – Я забираю у мужчины коктейли и отдаю один Белле. – Ты ведь был на похоронах моей сестры?

– Да, верно, был, я – Кристофер, – приятным голосом отвечает мужчина. Когда он дружески жмёт мою руку, мне кажется, что он сжимает моё сердце.

– Это Белла, – представляю я подругу. Она делает маленький реверанс.

«Может быть, Кристофер на похоронах был с приятельницей или сестрой?» – мысль утешает меня. Была не была, рискну. Что-то мне очень хочется рискнуть.

Сделав глоток коктейля, отдаю стакан Кристоферу. Видно, что он трезвый и вообще ничего пил. Чем и занимался? На танцполе и в баре я его ни разу не видела.

– Идёмте танцевать. – Белла оставляет коктейль на стойке и тянет нас за собой. Подруга украдкой подмигивает мне, намекая, что Кристофер может оказаться достойным моего внимания. Да, я определилась с тем, кому позволю сегодня за собой поухаживать.

Кристофер танцует легко, двигаясь в такт музыке. Я нервничаю, часто тыкаю Кристофера пальцем в живот, инстинктивно желая спровоцировать. Это не работает. Кристофер только улыбается в ответ. Белла замечает его скромность и идёт мне на подмогу. Подруга играючи толкает меня, и мне ничего не остаётся, кроме как навалиться на Кристофера и обнять. Он удерживает меня за талию, я чувствую необъяснимый трепет. Проведя рукой по его гладким волосам, велю ему допивать коктейль и заказывать новый, да покрепче.

На баре обменявшись с Кристофером номерами телефонов, я понимаю, что миссия выполнена. Можно в любое время уезжать домой и завтра ждать звонка. Кристофер наверняка пригласит меня на свидание. Я скажу, что подумаю и ещё перезвоню, или лучше так: скажу ему перезвонить позже и потом уже соглашусь встретиться. «Эй планировщица, он ещё здесь и, между прочим, смотрит на тебя», – подсказывает моё внутреннее я. Что мне сделать?! Я обворожительно улыбаюсь Кристоферу. Взяв со стойки коктейль, касаюсь губами – напиток очень жгучий. Отдаю стакан Кристоферу.

Во второй раз мы с ним танцуем близко друг к другу, иногда плотно прижимаемся. Кристофер раскрепостился. Когда он на секунду отвлекается, я шутя задираю его поло кверху. И что на меня нашло?! Слава богу, Кристофер реагирует сдержанно, чуть улыбаясь. У меня вся челюсть наливается сладостью, но я терплю и не разрешаю себе получить удовольствие: хочу поцеловать Кристофера! Желание огромное. Ох, что это?! Мне вскружили голову: тёплое дыхание Кристофера, запах его горячего тела, аромат его духов, его доступность (вернее, дружелюбность... доброжелательность). Моё необычное состояние усугубляется алкогольным опьянением. Вдобавок, вокруг темно, и мало кто заметит, что мы сделаем. Я одурманена, околдована, очарована этим мужчиной. Кристофер касается моих губ своими, или это делаю я, неважно, но в последний миг мы удерживаемся от поцелуя и признательно глядим друг на друга. Я понимаю, что Кристофер гораздо больше, чем просто хороший человек. Где же он был раньше?!

Кристофер отлучается в туалет. Я вру ему, что мне тоже нужно. Вместо этого сажусь в коридоре на кожаный чёрный диванчик. Делаю вид, что отдыхаю, а глаза зорко посматривают в сторону туалетов. Сердце учащённо колотится. Я вся, как на иголках. Чем я занимаюсь на самом деле? «Мика, признайся себе, ты караулишь Кристофера!» – моё внутреннее я потешается надо мной. Да, как же это глупо! Сильный трепет, волнующая надежда, нестерпимое ожидание – со мной такого давно не было, может никогда. Я дико нервничаю, сжимаю ладони в плотные кулачки и тупо гляжу на них.

Вскоре Кристофер возвращается ко мне. И чего я так переживала?! Мы снова идём на танцпол. Белла присоединяется к нам. От выпитых коктейлей подруга раззадорилась.

На подиуме девушку-ангела из таких, как я, сменяет другая зажигалочка, невысокого роста, бойкая. А-та-та: она, маленькая цацуля, совершает специально для Кристофера два

изящных движения, и они перемигиваются. Я ничего не знаю, стараюсь не обращать на это внимания, вероятно, они друзья.

Позднее на баре Кристофер здоровается с полноватым ди-джеем в кепке. Получается, он с ним тоже знаком. Ди-джей кивает мне и что-то говорит Кристоферу. Мне не слышно из-за музыки, но вдруг я понимаю, что умею читать по губам. Ди-джей спросил: «Ты разве знаешь её?» Ответ Кристофера остаётся для меня загадкой, так как я стою сзади, и мне не видно его лица. Ди-джей бросает на меня быстрый взгляд и произносит ещё одну фразу, которую мне так же удаётся расшифровать. Ди-джей предостерег Кристофера: «Аккуратней, она же...» и тактично умолк, не завершив предложение, будто почувствовал, что я ловлю каждое его слово. Ди-джей допивает сок, как ни в чём не бывало вежливо улыбается мне и, хлопнув Кристофера по плечу, направляется к пультам играть сет.

Я стараюсь не подавать вида, но произошедшее больно меня задело и одновременно отрезвило, привело в чувство, мне будто к носу поднесли нашатырь. Что я делаю?! Я же испорчу жизнь Кристоферу! Я представляю для него опасность! Когда Кристофер отлучится, нужно будет взять Беллу под руку и уйти. Самое верное решение. Уберегу Кристофера. Только бы он сейчас не догадался, что я расстроилась и не стал меня жалеть, ведь расплачусь.

Кристофер открывает для меня бутылочку воды, я пью. Он снова приглашает меня танцевать. На площадке я почти сразу совершаю ошибку: рефлекторно красиво взмахиваю длинными волосами. И как я не сообразила, что Кристоферу это очень понравится? Он берёт мои волосы и медленно пропускает через пальцы сверху-вниз, внезапно трогает мой живот. Я в ответ ладонью касаюсь его рельефного пресса. «Смотри не перевозбудись», – моё внутреннее я грозит мне пальцем.

Начинается медленный танец. Беллу приглашает таинственный незнакомец, которому я отказала. Подруга соглашается, но сразу предупреждает его о чём-то. Наверное, чтобы вёл себя прилично. Мы с Кристофером плавно двигаемся в танце. Я поворачиваюсь спиной. Он обнимает меня за талию, потом кладёт руки мне на живот. Прикосновения его ладоней вызывают у меня в животе сладкий спазм. В отражении в зеркале мы с Кристофером замечательно смотримся вместе. Не пойму только: Кристофер это всё делает из симпатии ко мне или из сочувствия? Не важно. Этот танец прекрасное окончание вечера. Пора оборвать с Кристофером знакомство.

Когда снова начинает играть быстрая музыка, ко мне нетвёрдым шагом подходит Белла. Подруга сильно обнимает меня, криво улыбнувшись, принимается дышать мне прямо в ухо. Это важные звоночки.

– Мы, наверное, скоро домой, – прощаюсь я навсегда с Кристофером.

– Сейчас?! – уточняет он.

– Скоро.

Я хмурюсь. Зря я дала Кристоферу свой телефон. Будет завтра звонить, найдёт в социальной сети, добавит, начнёт писать, а мне ничего не останется, как игнорировать хорошего человека. Ох, совесть меня замучает. Но Кристоферу и вправду лучше держаться от меня подальше.

Белла потирает лицо, пытаюсь немного взбодриться.

– Давайте я вас отвезу, – предлагает Кристофер.

– Да, поехали, вместе, – с доверчивостью ребёнка соглашается Белла.

Ну, спасибо тебе, подруга.

В лифте я украдкой снова изучаю лицо Кристофера – идеально пропорциональные черты, большие голубые глаза, полные губы. Кристофер очень похож на Джеймса, только старше. И голос у него такой же.

Кристофер помогает мне накинуть пальто. Белла вежливо отказывается от его помощи.

На улице воздух чист и свеж. Я дышу полной грудью. Достав брелок из кармана, Кристофер нажимает кнопку, и через полминуты ко входу подъезжает чёрный флагманский седан

какой-нибудь сотой серии выпуска. Двери открываются автоматически. Шикарный автомобиль. Как там говорится в рекламе: динамичный дизайн?

Кожаные сиденья – просто не встать. За рулём Кристофер дует в специальную трубочку. Мотор не запускается. «Позвольте мне вас довезти», – говорит из динамиков цифровой голос компьютера. Он вычислил, что Кристофер много выпил. Поездка закончилась не начинаясь, но мне приходит на ум одна идея.

– Дай я попробую! – прошу я и тянусь к трубке, похожей на кальянную.

Папа научил меня водить автомобиль, и я кое-как сдала на права. Конечно, у меня мало практики, и поэтому всё равно будет лучше доверить управление Кристоферу. Вдобавок, я боюсь разбить классный седан и попасть на кругленькую сумму.

Дышу в трубку. Компьютер обидно отвечает, во-первых, что не знает меня, а во-вторых, что мне не нужно предъявлять водительские права для проверки: я тоже не могу управлять автомобилем.

– Белла, попробуешь? – предлагаю я подруге.

– Нет, я точно нет, – икает Белла. Подруга пьянеет на глазах. Дома ей обязательно нужно будет плотно перекусить и выпить чаю, иначе утром похмелье замучает.

– Ладно, доверимся автопилоту, —говорит Кристофер. – Куда вам?

Я не хочу говорить, где живу, решаю соврать (назвать другой дом неподалёку), но Белла простодушно называет оба адреса с номерами квартир. Молодец подруга, продолжай в том же духе, и Кристофер узнает о нас всё.

Когда автопилот подбирает оптимальный маршрут движения, седан плавно стартует. В клубе было не до разговоров, однако в тихой обстановке можно спросить Кристофера о чём-нибудь напоследок.

– Кем ты работаешь? – интересуюсь я.

– Я танцовщик...

– Танцуешь стриптиз в клубах? – уточняет Белла. – Сегодня, кажется, не было твоих выступлений? Жаль. А когда будут? А то подойди в следующий раз к Мике, она тебе засунет денежку под резинку трусов, но с тебя потом приватный танец.

Широко улыбаясь, подруга толкает меня локтем. К сожалению, не сильно, потому что мне вдруг захотелось вывалиться из автомобиля, совершить несколько кувырков, отряхнуться и пойти домой пешком. Всю ночь я протанцевала со стриптизёром?! Пусть догадка Беллы будет ошибочной, пожалуйста. Да, Кристофер знаком с ди-джем и цаплей-зажигалочкой, но это ведь ничего не значит? Так? «Просто мир тесен», – успокаиваю я себя. Я закрываю глаза, таю дыхание и чуть ли не молюсь.

– И-и-и ещё я хореограф, – невозмутимо продолжает Кристофер. – Мы делаем крупные концерты, используя самые разные танцевальные направления, иногда добавляем элементы стриптиза, раздевания. Я лично отвечаю за направление, которое называется постмодерн.

Я не знаю куда девать улыбку. У Кристофера нормальная работа. А то мне уже рисовалась картинка следующих выходных: Белла силком тащит меня в клуб, чтобы посмотреть, как Кристофер будет крутить передо мной мускулистыми бёдрами и в конце танца снимет трусы прямо перед моим лицом. Шок. Хотя, если подумать, я бы заплатила Кристоферу за приватный танец, из любопытства, просто посмотреть, как это бывает, и чтобы всё осталось только между нами – полная анонимность. От последней мысли, мне даже становится немного жалко, что Кристофер не стриптизёр.

– А мы с Микой учимся в Соважском колледже искусств, будем актрисами.

Мы подъезжаем к дому Беллы. Великолепно. Больше подруга не успеет ничего разболтать.

– Ходишь в одиночку по клубам? – осведомляюсь я у Кристофера.

– Вообще-то нет, никогда. Зашёл поговорить кое с кем.

– А-а.

Помахав Кристоферу рукой, Белла целует меня в губы.

– Прямоком домой поедешь ты? – гипнотически голосом уточняет подруга и щурится.

– Конечно, – говорю я почему-то крайне неубедительно.

Беллу развезло на воздухе, она устала и не в силах больше меня оберегать. Подруга вылезает из машины, хлопнув дверью, плетётся к подъезду.

Автомобиль едет дальше. Я не знаю, что делать, покусываю, то верхнюю губу, то нижнюю. На подлокотнике начинаю нажимать на все кнопки подряд, веду себя, как малышка Голди, когда ей дают пульт от телевизора. Внезапно сбоку подлокотника выдвигается минибар с шампанским. Упс, я что-то не то нажала.

– Хочешь ещё выпить? – оживляется Кристофер и поворачивается ко мне.

– Нет, нет. – Я пытаюсь убрать минибар, но не знаю, как.

– Смотри сама, это очень вкусное шампанское.

Я беру из минибара золотистую сверкающую бутылку. Надпись заманчивая: «Юбилейный 100-ый послевоенный урожай».

– Ну, давай выпьем, – неуверенно говорю я. – Пересаживайся.

Зачастую страх обидеть человека отказом, сильнее страха пойти у него на поводу.

Салон просторный, и Кристофер, не останавливая автомобиль, легко перелезает ко мне. Затем он открывает бутылку и разливает шампанское по бокалам.

– Салют! – говорит он.

– Салют!

Из-под опущенных ресниц наблюдаю, как Кристофер осушает бокал, потом пью напиток сама. Послевкусие сладкое. Кристофер не соврал – отличное шампанское.

Автомобиль вдруг замедляет ход, останавливается, дверь автоматически открывается. Быстрая поездка. Всё потому, что от дома Беллы до моего рукой подать.

– Спасибо за вечер. Я позвоню тебе завтра? – Кристофер забирает у меня бокал.

Сказке конец? Я недовольно поджимаю губы. «Мика, вежливо попрощайся с мужчиной и домой! На выход! Живо!» – приказываю я себе. Внезапно мне становится страшно вот так выходить, но и оставаться боязно наедине с обаятельным мужчиной.

Я высовываю ногу из автомобиля, берусь за ручку двери, приподнимаюсь. Нет, я не могу. Залезаю обратно и закрываю дверь.

– Может к тебе в гости заедем, ненадолго, посмотрю, как ты устроился? – говорю я и сразу хочу взять свои слова назад, хочу привстать, но упрямлюсь, сопротивляюсь сама себе. Рядом с Кристофером я другая.

Он медлит с ответом, толи колеблется, толи даёт мне время одуматься.

– Поехали, – наконец, соглашается Кристофер. – Кальян будешь?

– Нет, спасибо.

Кристофер снова наполняет бокалы. Автомобиль берёт с места.

– Мика, я очень рад, что познакомился с тобой. Ты превосходная... в смысле я хотел сказать: ты выглядишь превосходно. За тебя! Салют!

Кристофер выдаёт себя с головой.

– Салют!

Я зарделась. Приятно, когда тебе делают комплементы и, когда в честь тебя произносят тосты.

Запомню момент навсегда: в салоне автомобиля играет тихая музыка, я ощущаю на себе тёплое дыхание обаятельного спутника, в бокале шипит шампанское – идиллия.

Кристофер отыскивает в минибаре банку с ананасами. Насадив на единственную вилку кусочек фрукта (или ягоды), Кристофер кормит меня. Я подумываю отобрать вилку, но это будет невежливо.

Вторая бутылка шампанского без фиксатора, пробка может выстрелить в салон автомобиля и отрикошетить, например, мне в голову. Поэтому я прошу Кристофера не рисковать и открыть бутылку снаружи. Обаятельный спутник послушно следует моему совету и, высунувшись в окно, поворачивает пробку, она тут же улетает в соседний автомобиль. Я качусь со смеху. Как чувствовала, что Кристофер ошибётся. Сейчас нас подрежет потревоженный автомобиль, из него выйдут четверо амбалов и побьют моего обаятельного спутника. Даже страх появляется. Но, похоже, в другом автомобиле тоже кто-то напившийся – нас никто не преследует.

У Дианн глаза лучились сильнее, чем у меня и реально очаровывали. Помню, однажды сестра ходила весёлая, очень довольная, всё посмеивалась и призналась мне, что одними глазами заставила Брюса кончить. Я, конечно, не поверила. Думаю, Дианн пошутила, радовалась по какому-то другому поводу. Хотя, попробую. Я смотрю на Кристофера и концентрируюсь. «Обними меня или кончи», – гипнотизирую я. Ноль реакции. Кристофер продолжает мило меня разглядывать. Не сработало. Понимала же, что всё это ерунда. Рассмеюсь сейчас – глупостями занимаюсь.

Меня вдруг осеняет: бокалы, шампанское во льду, ананасы в банке, кальян – уж не приготовлено ли это всё было для кого-то другого? Или Кристофер вышел на охоту, искал себе подружку? Мысль напугала меня. Спрашивать боязно, но я решаюсь:

– У тебя есть девушка? – Смотрю Кристоферу в глаза, чтобы он не пытался врать.

Кристофер медлит, отвечает честно:

– Мы в ссоре.

«Почему я раньше не спросила?!» – удивляюсь я себе. Потому что боялась именно этого. «Остановите, я выйду здесь!» – хочу я злобно прорычать. Свет в салоне как будто тускнеет, в шампанском словно разом лопаются все пузырьки. Вечер не мог быть настолько идеальным – в глубине души я это понимала. Интересно, девушка Кристофера обычная или из таких, как я? Если из таких, как я, то совесть меня съест.

Всё сходится: Кристофер запасся вкусностями и дорогими винами, чтобы, помирившись с девушкой, сразу роскошно отметить с ней это событие. Да уж, все эти угощения предназначались не для меня.

Я натужно сглатываю.

– Дак может не поедем? – разом угасаю я.

– Ну, мы почти на месте.

Кристофер привирает, потому что мы ещё минут 15 кружим по пригороду. Молчание длится и длится. Я как-то даже примиряюсь с нелепым положением, в котором очутилась. Сама виновата. Так-то я и не хотела продолжать с Кристофером общение. Зачем поехала? Далеко от дома меня завело любопытство к мужчине, проявившему ко мне интерес.

С Кристофером неплохо бы договориться о поездке к семье Брюса. Выясню, кто побывал на могиле Дианн, оставил оскорбительные надписи и поработал с цветником. Если мой обаятельный спутник согласится составить мне компанию (свой план я ему, конечно же, не раскрою), то до этого момента, так и быть, буду поддерживать с ним дружеские отношения.

Автомобиль паркуется возле двухэтажного дома с большими окнами. Фасад дома выполнен из белого камня, смотрится красиво.

Кристофер протягивает мне руку и, не выпуская моего запястья из тёплых пальцев, ведёт внутрь дома. Руке восхитительно до мурашек. Мое дыхание учащается, сердце бьётся сильнее.

– Давай я помогу снять пальто, – предлагает Кристофер. Я разрешаю. – Ого, какие у тебя банты!

Мда, Кристофер только сейчас заметил татуировку. Я прохожу за ним в огромную гостиную. С краю расположен бар с пятью высокими стульями. Слева установлены пилон и кованный подиум (стакан), в клубе были похожие. Пилон и подиум девушки Кристофера?! Что она

тут вытворяла ему?! Новые открытия разжигают во мне противоречивые чувства: смущение; злость на Кристофера за то, в какое дурацкое положение он меня поставил; досада, что я не его девушка; зависть, что я не она; радость, что Кристофер привёл меня сюда, а значит, оценил, сделал равной своей девушке, пусть и на время. В центре свободное пространство и, судя по специальным окнам-зеркалом, гостиная способна превращаться в репетиционный зал для небольшой группы танцовщиков. В углу есть деревянная лестница, уходящая на второй этаж.

От выпитых коктейлей и шампанского я скоро взорвусь. Зря я в клубе вместо того чтобы сходить в туалет, караулила Кристофера.

– Мне надо в комнату для принцесс, – с намёком говорю я.

– У меня такой нет, – шутит Кристофер. – Справа по коридору, принцесса.

После туалета возвращаться не спешу, решаю немного осмотреться. В ванной у Кристофера находится джакузи мечты размером с маленький бассейн, наверное, вчетвером можно втиснуться. Странно, у зеркала в стаканчике только одна зубная щётка. На полочках я не наблюдаю ни шампуня, ни бальзама, ни геля, ни скраба, ни ватных палочек и дисков, ни расчёсок, ни всего остального, что могло бы принадлежать девушке. Может быть, Кристофер выдумал её, чтобы меня позлить?

Кристофер ждёт у барной стойки с новой порцией шампанского.

– Хочешь перекусим, посмотрим фильм или сериал, – предлагает он, протягивая мне бокал.

– Покажи мне дом, – прошу я. – Что у тебя там? – я тыкаю пальцем в сторону лестницы, уходящей наверх.

– Спальня.

– Покажи, где ты спишь.

Кристофер пожимает плечами, берёт меня за руку и ведёт на второй этаж. Я немного плыву, голова кружится, перехватываю руку Кристофера поудобнее.

В центре спальни стоит широкая кровать два на два метра. Я провожу рукой по белому шёлковому постельному белью, приятно. Проверяю жёсткость матраса. Главное, не соблазниться и не лечь.

Здесь тоже нет вещей девушки. Нет её фотографий. Я прихожу к единственному логическому заключению:

– Кристофер, признайся, у тебя никого нет! Чего ты храбришься?!

Он, удивлённый, хочет возразить, но я беру его за подбородок и жадно целую, не разнимая губ, мы падаем на постель. Я обнимаю Кристофера, одновременно расстёгиваю ремень его джинсов, затем молнию.

– Мика, не надо, – шепчет Кристофер. – Ты будешь жалеть. Я и вправду поссорился со своей девушкой.

Но мне уже не остановиться. Я напрочь потеряла над собой контроль. «Если прекратишь, пожалеешь ещё больше», – говорит мне другая я – сладострастная. Неужели ты, Кристофер, привёз прекрасную принцессу за тридевять земель ради того, чтобы сказать ей нет?! Я тебе не верю!

Заняв сидячее положение, Кристофер касается руками моего лица, испытующе глядит на меня. Интересно, насколько адекватно я выгляжу?

– Мишель, давай не будем? – пытается Кристофер меня укротить.

Он берёт мои руки. Я быстро освобождаюсь. Целомудрие Кристофера только подстёгивает, заводит. Сегодня я принцесса, и я хочу всё! Стянув платье через верх, отбрасываю. Любовную прелюдию я видела только в фильмах. Но там обычно обрывают постельную сцену и сразу показывают, как наступает утро, люди просыпаются счастливыми, вместе завтракают, и расстаются по пути на работу.

Что дальше мне делать не представляю. Доверюсь интуиции. Я касаюсь пальцем передней тач-пуговицы лифчика, она слабо вибрирует – «Ошибка». Наверное, попала по краю. Касаюсь снова, застёжка срабатывает и чашечки соскальзывают с грудей в стороны. Я со страстью прижимаю Кристофера к себе. Он тут же добирается губами до правого соска сжимает его, тянет, щекочет языком. Одновременно Кристофер охватывает мою левую грудь ладонями и начинает мять. Мои соски отзываются на нежность, твердеют и набухают. Я испытываю невероятные ощущения. Издавая громкие стоны, отдаюсь наслаждению, моё тело пронзает приятная судорога.

У Кристофера эрекция, я чувствую. Импровизирую дальше. Касаюсь тач-пуговиц по бокам трусиков и бельё спадает. Запускаю руку в боксеры Кристофера. Кое-как мне удаётся достать из трусов твёрдый член. Кульминация: я слегка привстаю и рукой подстраиваю член.

– Стой, я сперва надену... – успеваешь сказать Кристофер, прежде чем я сажусь.

– А-а-а! – я стараюсь не сорваться на крик и не выдать себя.

Приятного мало, блин.

– Ты что девственница?! – удивляется Кристофер.

Сразу меня раскусил, видимо, ему тесно.

– Тогда... можно и так...

«Да, замолчи ты», – хочу я воскликнуть. Потом смекаю о чём вообще говорит Кристофер. Нужно предохраняться, хотя я слышала, что без презерватива ощущения приятнее. Не знаю, не знаю. Я двигаюсь с большой амплитудой, и Кристофер несколько раз выскакивает из меня. Приходится поправлять член рукой и снова впускать в себя. Подобрал ритм, я нахожу правильное движение, при котором Кристофер почти выходит из меня, но всё-таки остаётся внутри. Кристофер целует меня в ключицу, покрывает поцелуями мои шею и грудь. Постепенно мои ощущения сменяются на другие, чудесные. Лавина чувств внутри меня нарастает, готовясь обрушиться. Кристофер во мне становится всё больше и больше, неожиданно член начинает ритмично сокращаться, извергаясь в меня, толчки следуют один за другим. Я вдруг чувствую неизбежность наступления чего-то роскошного. Выпустив Кристофера из себя, принимаюсь брызгать. Из меня вырываются громкие стоны. Со мной творится что-то восхитительное, сокрушительное, неистовое, наверное, это и есть оргазм.

– Ого, да у тебя сквирт! – запыхавшись, говорит Кристофер.

Я устало падаю на постель. Кристофер обнимает меня, чтобы я не укатилась и не упала.

Судороги обеих ног, сводит мышцы живота, руки беспомощно цепляются за простыни – оргазм сотрясает меня всю, бурный, долгий, изнуряющий. Только через полминуты я немного успокаиваюсь и ко мне возвращается способность мыслить. Я очень надолго запомню этот высший момент сексуального наслаждения. Я часто и прерывисто дышу. Да, было здорово. Первый в жизни восторг.

– Невероятно! – впечатляется Кристофер моему оргазму, поглаживая меня по животу. Но он не мой мужчина, а я не его девушка! Я для него никто!

Утомлённая кое-как заворачиваю себя в одеяло, как в кокон, и начинаю рыдать, громко, навзрыд, горько всхлипывая. Со стёртых губ срываются слова отчаяния:

– Я «Пустьшка» и меня никто не полюбит!.. Я «Пустьшка» и меня никто не полюбит!..

– Мишель, успокойся, пожалуйста. Ведь, всё же хорошо.

Я не слушаю Кристофера. Я извиваюсь, брыкаюсь, сопротивляюсь ему, а он всё крепче и крепче обнимает меня. Зачем Кристофер это делает? Он отыскивает моё зарывшееся в одеяло лицо и принимается покрывать мои щёки поцелуями, осушать море слёз, в котором я хотела утопиться. Ощущая мужскую ласку, на миг закрываю глаза, расслабляюсь и забываю кто я, где и с кем нахожусь.

Глава 6

Неохотно открываю глаза. Горькое утро настало. Уткнувшись в одеяло лежит Кристофер. Он абсолютно голый. Похоже, мы так и уснули в борьбе. Мне очень стыдно за то, что вчера я так разоткровенничалась перед ним. Что теперь он обо мне думает?

Медленно-медленно выбираюсь из закрученного одеяла, как из спального мешка. Кристофер в любую секунду может проснуться. Что тогда я буду делать? Как поведу себя? Света в комнате достаточно, чтобы разглядеть капли засохшей крови на простыни, на полу, на валяющихся боксерах Кристофера. Первая мысль – сбежать. Тихонько одеться, вызвать такси и уехать. Потом не отвечать на звонки Кристофера, «гаситься», и авось всё обойдётся. Хотя, наверное, он ничего не предпримет, не станет разыскивать меня, забудет, у него есть девушка. Такое отношение будет для меня обидней всего. Прикрыв одеялом кровь на полу, пинаю под кровать боксеры Кристофера. Картинка становится лучше.

Накануне я испытала величайший восторг в своей жизни, плата за это: болезненное чувство у сосков и внизу живота, мышцы ног неприятно потягивает, как бы не свело. Отыскав в сумочке эффон, осторожно сканирую пальцы Кристофера. Добавлю в список доступа к своему тач-белю. Ох, трачу драгоценное время на ерунду, балую себя. Я проспала всё на свете. На эффоне пропущенные звонки и сообщения от мамы, папы, Лианн, Беллы, Жана. Я даже не помню, когда поставила телефон в беззвучный режим. Нужно дать о себе знать. Отыскиваю бюстгальтер и трусики, поднимаю с пола платье и на цыпочках выхожу из спальни. В ванной бедному тельцу хочется принять расслабляющее джакузи, но нет времени, да и боязно, вдруг заявится Кристофер, прыгнет ко мне и начнёт приставать. «Да, конечно, включи воду, раскнись, дождись его здесь!» – предлагает другая я – сладострастная. Появляется соблазн так поступить. Но мне лучше не мечтать, мои мечты никогда не сбываются. Скорее, Кристофер, зайдя в ванную, сразу выйдет и бросит из-за двери: «Мишель, вставайте, ваше такси скоро приедет». Нет, я не дам ему меня унижить.

Торопясь, заскакиваю под тёплую струю воды. Беру шампунь и гель Кристофера. Аромат нерезкий, можно спутать с женским. Быстро высушить длинные волосы без фена непростая задача, приходится использовать четыре больших махровых полотенца и хорошенько потрудиться расчёской.

Набираю родителям сообщение:

Доброе утро. Извините, что не отвечала. У меня всё отлично. Я на лекции по истории, впереди семинар, на перемене буду повторять, поэтому позвоню вам в обед. Целую Мика.

С Жаном и Беллой я увижусь в колледже и узнаю, зачем звонили. Сейчас главное – как можно скорее вызвать такси и выйти на улицу. На эффоне открываю приложение заказа такси, в котором у меня скидка 25%.

– Мишель?! – вдруг доносится голос Кристофера.

Не успела! Первые мысли, как у воровки, затаиться, затем начать скрытно пробираться к выходу.

– Мишель?!

Ох, думаю, ничего страшного не случится, если я покажусь хозяину дома. Кристофер, увидев меня, наверное, скажет: «А-а, конечно, иди, иди». Он будет холоден и неприветлив.

– Я ещё здесь, – откликаюсь я.

В коридоре появляется Кристофер. На нём тёмные брюки и серое поло. Выражение лица доброе, на губах играет безмятежная утренняя улыбка.

– Собралась уже?

– Да, мне нужно идти.

Не будет препятствовать, сам предложит вызвать такси.

– Давай позавтракаем, это быстро.

Хочет красивее расстаться со мной.

– Нет, спасибо.

– Давай я отвезу тебя. Скажи куда?

Зачем Кристофер это делает? Я хмурюсь.

– В колледж, я опаздываю.

Кристофер встаёт совсем близко со мной.

– М-м-м... как ты пахнешь, – улыбается он и гладит мои волосы.

– Да, да. – Бросив на Кристофера быстрый взгляд, прохожу мимо.

Я делаю вид, будто тороплюсь, будто учёба для меня важнее, чем завтрак вместе с Кристофером, а это не так. Я хочу поесть с этим мужчиной, но не потому что безумно голодна (а я безумно голодна), по другой причине, которую всеми силами стараюсь скрывать от себя самой. Кристофер не должен догадаться, что теперь я буду думать только о нём, как провела чудесный вечер с ним и лучшую ночь. Сутками напролёт я буду вспоминать все детали нашей встречи, неустанно и отчаянно. Пройдёт много времени, прежде чем я забуду Кристофера и то, что было между нами.

Накинув пальто, выхожу из дома, не дожидаясь Кристофера. Встаю у задней двери автомобиля – лучше сяду назад. Но Кристофер, прикинувшись дураком, открывает для меня переднюю дверь. Я сердито смотрю на него. А он невозмутимо отворачивается, садится за руль, затем успешно проходит тест на алкоголь. Мы выезжаем.

Хочется поинтересоваться у Кристофера про вчерашнее, но тогда он спросит меня о том же самом, и я окажусь в затруднительном положении, потому что мне всё очень понравилось. Нужно соврать Кристоферу, сказать, что я так сильно напилась, что перепутала его со своим молодым человеком или вообще мужем. И попросить Кристофера оставить всё в тайне. Но есть одна большая загвоздка – Кристофер у меня первый. Как я это объясню? Получается до этого мои отношения с кем-то были скромными. Да, Кристофер не поверит мне, но, может быть, ни о чём не станет спрашивать. Попробовать что ли?

– Кристофер, я перепутала...

– Что перепутала? – Кристофер обворожительно смотрит на меня. Вот как ему тут соврёшь?!

– Перепутала... какой сегодня день... Не важно...

– Какие ощущения?

Зря я открыла рот.

– Ой, отличные. А у тебя?

– Тоже отличные, всё было круто, – врёт и не краснеет Кристофер.

Отняв от руля правую руку, он кладёт её поверх моих рук, лежащих на коленях, и гладит костяшки пальцев. Мой пульс мгновенно учащается. Я едва сдерживаюсь, чтобы не кинуться на Кристофера, как ночью, и горячо не поцеловать его, но тогда мы куда-нибудь врежемся.

– Музыка? – спасает нас Кристофер.

– Давай.

Музыка отвлечёт меня. Я смотрю в окно, только не на Кристофера. Он – запретный мужчина для меня, но очень соблазнительный.

В динамиках зазвучала знакомая песня.

– Под которую вчера танцевали? – интересуюсь я.

– Да, но это инструментальная версия. Думаю, поставить под неё танцевальный номер.

– Скинь мне, я буду слушать... в смысле как-нибудь послушаю...

Кристофер кивает.

Через 20 минут седан плавно останавливается напротив колледжа.

– Когда у тебя заканчиваются занятия? – пытается выведать Кристофер, сердит меня.

– А что?

– Пообедаем вместе?

Из вежливости хочет накормить меня. Ну, пускай успокоит свою совесть, а то ведь не отвяжется.

– В час.

– Хорошо, тогда до встречи.

– Да.

Краем глаза замечаю, что Кристофер тянется ко мне, чтобы обнять, а может ещё и поцеловать. Что делать?! Он не мой мужчина! Я судорожно целую пальцы своей руки, и касаюсь ими губ Кристофера. От волны смущения я не способна смотреть ему в глаза. Он нарочно не открыл дверь автоматически, суетливо делаю это сама. Вот уже собираюсь выпорхнуть из автомобиля, но я не отстегнулась от ремня безопасности, он удерживает меня. Судорожно запускаю руки в замок, открыть не получается, пальцы скользят. На выручку приходит Кристофер. Он ловко нажимает на красную пластиковую кнопку, освобождая меня. Представляю, какое жалкое зрелище я здесь устроила. Скрываюсь от Кристофера в дверях колледжа. Теперь можно расслабиться.

Прокрадываюсь в аудиторию. Преподаватель истории Леон Мартинес смотрит на меня ястребиным взглядом. Я сглатываю.

– Извините, – роняю я и, осмелев, иду на место рядом с Беллой.

– Мишель Ру, верно? Вам не давали разрешения сесть. Почему вы опаздываете? Почему вы прогуливаете занятия?

Я замираю, будто поражённая лучом холода.

– Лекции для свободного посещения, – холодно отвечаю я. – А раз я опоздала, значит на то была веская причина.

– И какая же?

Проглотив язык, я растерянно моргаю, пока ответ не приходит в голову:

– Я позже вам всё скажу.

К концу пары мы с Беллой придумаем отговорку.

– Хм, Мишель, вы не посещаете лекции, потому что прекрасно знаете предмет? Что ж я готов, не откладывая дел в долгий ящик, оценить вас прямо сейчас.

На губах преподавателя играет усмешка:

– Прошу к доске. Блесните на сегодняшнем семинаре.

– Что рассказать? – от моего вопроса одноклассники пускают первые смешки.

– Начало войны, её ход и развитие, – ухмыляется Леон.

Я в розовом вечернем платье встаю у кафедры совершенно неподготовленная.

– Ну?! – преподаватель быстро теряет терпение. Он попытается меня проучить, чтобы другим неповадно было, чтобы другие не смели относиться к его предмету пренебрежительно.

Я оглядываю аудиторию. В первом ряду Жан шевелит губами, что-то подсказывая. Встревоженная Белла не знает, как мне помочь с последней парты. Криво улыбаясь, Луиза и её гадкие подруги предвосхищают мой провал. Один из парней снимает всё на телефон.

– Между прочем, на лекциях я уже разобрал ряд ключевых вопросов, которые войдут в билеты, но вам, видимо, плевать на историю, ведь вы то оказались тут, в настоящем. Живёте здесь и сейчас, да?

– Мне не плевать! – огрызаюсь я, озлобившись. Нервы шалют, но нужно взять себя в руки.

После гулянки ум вялый. Потуги что-то вспомнить, что-то осмыслить, ни к чему не приводят.

– Садитесь вы – Пус... тая ваша голова!

Аудитория вместо того чтобы рассмеяться, напряжённо затаила дыхание – Леон едва не оскорбил меня.

Чувство публичного унижения вдруг провоцирует мою память невероятным образом, я вспоминаю всё и сразу: школьные уроки истории, главы учебников, документальные и художественные фильмы, обрывки передач и ток-шоу с военными экспертами, индивидуальное занятие с Жаном. Огромный поток знаний вихрем проносятся в моём мозгу, затем из множества информации рождается упорядоченный, стройный ответ.

– С вами всё в порядке? – Леон изображает на лице тревогу.

Видимо, у меня тряслась голова, и преподаватель решил, что я вот-вот упаду в обморок.

– Да, я готова отвечать, – говорю я звенящим, чужим голосом.

Хмыкнув, Леон качает головой. Он ничуть не верит в меня.

– Вперёд.

Я начинаю с рассказа об уникальной сыворотке Генетика, усилившей граждан Генезии и мобилизовавшей их организмы под наиболее агрессивную внешнюю среду: под войну. Плата за это была высокой: годы жизни.

Потом я говорю о так называемых «Ударах Генетика». Первый удар Генетик нанёс в космосе. Военные Генезии взломали боевые спутники космических держав и направили их друг против друга. В результате сеть интернет была разрушена, коммуникация и навигация оказались затруднены. Вторым ударом Генетик уничтожил гиперзвуковыми баллистическими ракетами столицы ведущих государств, наиболее развитые города, и ключевые военные объекты. Ответным огнём Генезия была стёрта с лица земли. Но Генетик и его армия укрылись в бункерах и первых Рунах. Они развязали тотальную войну. Последующими ударами Генетика стал ряд наступательных операций войск. Солдаты Генезии вторгались в уцелевшие города по всему миру и разоряли их. На оккупированных территориях Генезия строила укрепленные сооружения, названные Рунами. В них концентрировались войска для очередных наступлений. Генетик нанёс страшный удар по захваченному мирному населению. Он применил особое биологическое оружие, создав первых настоящих Зомби, названных «Пешеходами». Население городов и деревень сгонялось в концлагеря. Пленникам ставили прививки, якобы улучшающие генетику. Им обещали, что после этого они смогут стать полноправными гражданами Генезии. Но прививка содержала опасный вирус. Инкубационный период занимал три дня. За это время организм человека серьёзно деградировал. Человек лишался осознания собственного «я», становился инвалидом. Ухудшение было необратимо. Войска Генезии гнали «Пешеходов» от одного города к другому. Использование инвалидов в Европейской части континента было достаточно эффективным – ими разминировали минные поля, прикрывались, как живым щитом, устрашали. Силам сопротивления приходилось отстреливать «Пешеходов», потому что они являлись рассадником множества болезней, их тела сжигали или закапывали. Убийство безоружных людей зачастую наносило психологическую травму солдатам сил сопротивления, так как уничтожали мирное население собственного государства или соседнего. «Пешеходы» выпивали запасы пресной воды, съедали урожай в полях. Они были малоагрессивные, чаще всего умирали от голода, инфекции или пневмонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.